

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173736/1

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ

ТОМЪ СЛХХVІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая улица, д. № 36.

1887

Digitized by Google

3005X
48X

ЗЕМЛЯ ПОЪЗДКА

изъ Ташкента на Усть-Уртъ 1881—1882 гг.

Въ концѣ 70-хъ годовъ поднять былъ вопросъ о возможности колеснаго сообщенія между дельтою Аму-Дарьи и Каспійскимъ моремъ, черезъ плоскую возвышенность Усть-Уртъ. До того времени перешеекъ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями былъ совершенно не изслѣдованъ, даже нѣмъ не пройденъ. Такое малое вниманіе къ кратчайшему пути изъ Европейской Россіи въ средне-азіатскія ханства происходило отчасти отъ мнѣнія, что заливъ Мертвый-Култукъ мелководенъ и для плаванія пароходовъ невозможенъ. Что же касается до непроходимости и неудобства для движенія самаго перешейка Усть-Уртъ, то объ немъ никто не говорилъ, такъ какъ тамъ никто не былъ. Производились поѣздки нѣсколько сѣвернѣе, отъ Эмбенскаго укрѣпленія до Аральскаго моря, былъ пройденъ западный берегъ этого моря и въ 1873 году нашъ отрядъ прошелъ отъ форта Александровскаго, на полуостровѣ Мангышлакъ, до города Кунграда, нѣсколько южнѣе самаго Усть-Урта. Такимъ образомъ, перешеекъ, обойденный и съ сѣвера и съ юга, оставался неизвѣстнымъ.

Содержащій рыбные промыслы на Аральскомъ морѣ, уральскій купецъ Ванюшинъ вздумалъ попробовать отправить транспортъ съ рыбой прямымъ путемъ на Каспійское море черезъ Усть-Уртъ. Кратчайшая дорога прямо на западъ оказалась непригодною вслѣдствіе невозможности устроить пристань на Аральскомъ морѣ, гдѣ уступъ Чинка упирается въ берегъ отвѣсными скалами, почему онъ отправилъ рыбу съ ватаги сначала въ Кунградъ, а оттуда къ Мертвому-Култуку наперерѣзъ Усть-Урта. Транспортъ благополучно добрался до Каспійскаго моря. Здѣсь рыбу перегрузили и доставили на парусныхъ косовыхъ лодкахъ въ Астрахань. Такимъ образомъ, перешеекъ Усть-Уртъ былъ пройденъ, и даже не верблюдами, а русскими телѣгами, запряженными лошадьми.

Когда же Ташкента дошли свѣдѣнія объ успѣшномъ проходѣ транс-

порта черезъ неизслѣдованный до сей поры перешеекъ, исправляющій должность начальника края генералъ-лейтенантъ Колпаковский обратилъ вниманіе на значеніе открытаго пути и, пожелавъ достовѣрно узнать степень удобства его для движенія, поручилъ мнѣ осмотрѣть его и сдѣлать съемку.

Поѣздка эта была очень интересна. Мнѣ предстояло пройти по совершенно неизвѣстной дорогѣ—отъ Кунграда до Каспійскаго моря, о которой ходили самые разнообразные толки и мнѣнія; кромѣ того, я могъ посѣтить попутно Бухарское и Хивинское ханства и проѣхать по Аму-Дарьѣ.

Настоящая статья составляетъ описаніе моей поѣздки по мало извѣстнымъ до сей поры мѣстностямъ въ самое суровое время года: конецъ ноября, весь декабрь и начало января пришлось мнѣ провести на Усть-Уртѣ.

I.

Пути изъ Ташкента въ Петроалександровскъ.—Катта-Курганъ.—Зіаэдинъ.—Бухарскіе солдаты.—Кермине.—Отъ Кермине до Бухары.—Бухара.—Визитъ Кушъ-Беги.—Мѣстные представленія.—Отъ Бухары до Аму-Дарья.—Песчаная степь.—Крѣпость Усты.—Зинданъ.—Ильджикъ.

Отъ Ташкента въ Петроалександровскъ есть нѣсколько дорогъ: черезъ Казалинскъ, черезъ Перовскъ, черезъ Джизакъ и Тамды и, наконецъ, черезъ Бухару. Последняя, безъ сомнѣнія, самая удобная. Преимущества ея заключаются въ томъ, что часть ея пролегаетъ по мѣстамъ населеннымъ,—такъ что можно избѣгнуть переѣзда громадными, песчаными степями, отдѣляющими Аму-дарьинскій отдѣлъ отъ центра Туркестана, а другую часть, около 400 верстъ, можно удобно проѣхать водою, спустившись отъ бухарской крѣпости Усты (¹) внизъ по Аму до самаго Петроалександровска. Песчаная степь такъ затруднительна для сообщенія, что Аму-Дарьинскій отдѣлъ представляется совершенно отдѣльнымъ уголкомъ, какъ-бы отрѣзаннымъ отъ остальныхъ частей округа, и куда попасть гораздо труднѣе, чѣмъ въ Европейскую Россію. Не много лицъ въ Туркестанѣ могутъ похвалиться, что были на Аму-Дарьѣ, да и самую поѣздку туда считаютъ нѣкоторымъ подвигомъ. Происходитъ это отчасти отъ того, что до послѣдняго времени былъ общепринятъ самый длинный и кружный путь, черезъ Казалинскъ. Го-

(¹) Нѣкоторые называютъ эту крѣпость Устыкъ.

ворять, что онъ удобнѣе, но едва-ли удобства эти настолько велики, чтобы ради ихъ стоило прогуляться лишнихъ 850 верстъ. Я этимъ путемъ не ѣздилъ, но слышалъ, что тамъ приходится также тащиться на верблюдахъ по глубокимъ пескамъ, и сидѣть подчасъ безъ воды. Если это такъ, то уже и понять нельзя, въ чемъ его преимущества. Вѣроятно всего, что о другихъ дорогахъ не имѣли никакихъ свѣдѣній и только въ последнее время, когда нѣкоторые, польстившись громадною разницею въ разстояніяхъ, рѣшились испробовать ихъ, дороги черезъ Джизакъ и сѣверную Бухару начали все болѣе и болѣе эксплуатироваться.

Проѣздъ черезъ центральную часть Бухарскаго ханства не всегда возможенъ, такъ какъ приходится ѣхать по иностранному государству, гдѣ трудно пробраться инкогнито: путешественниковъ встрѣчаютъ и провожаютъ, почему начальство неохотно его разрѣшаетъ. Но проѣздъ по сѣверной части Бухары, черезъ урочище Каракъ-Ата, или русскими владѣніями, черезъ Тамды, легко возможенъ, и я опишу эту дорогу, когда буду рассказывать о моемъ возвращеніи въ Ташкентъ. Въ передній путь я получилъ разрѣшеніе проѣхать черезъ городъ Бухару и по Аму-Дарьѣ.

16-го сентября 1881 года выѣхалъ я изъ Ташкента и на другой же день прибылъ въ Самаркандъ, гдѣ былъ задержанъ болѣе двухъ недѣль. Здѣсь присоединился ко мнѣ поручикъ артилеріи С. Д. Гескетъ, которому было разрѣшено ѣхать со мною въ качествѣ помощника и для замѣны меня въ случаѣ болѣзни.

Еще не оцѣнивъ вполнѣ всей трудности предстоящаго намъ дѣла, мы снарядились очень неудовлетворительно и, какъ видно будетъ дальше, мнѣ пришлось много прибавлять къ этому первоначальному снаряженію въ Петроалександровскѣ. Неопытные въ путешествіяхъ по степямъ, мы не имѣли понятія о томъ, до какой мелочности должно доходить снаряженіе: нужно все, буквально все забирать съ собою, а если что забыто, то исправить упущеніе совершенно невозможно. Это такое же положеніе, какъ на лодкѣ среди моря. Мы даже не купили лошадей. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ поступили изъ разчета, предполагая приобрести ихъ въ Бухарѣ, гдѣ онѣ лучше и дешевле. До Катта-Кургана мы ѣхали на почтовыхъ, а оттуда наняли лошадей до города Бухары по рублю въ сутки за верховую и по три рубля за перевозку вещей на арбѣ. Такой наемъ очень удобенъ въ Катта-Курганѣ, потому что желающихъ наняться всегда много. Платя теплаго съ нами почти не было. Я еще озаботился запастись тулупомъ и валенками, а С. Д. Гескетъ просто ѣхалъ въ ватномъ пальто. Турке-

станции избалованы климатомъ: пробывъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, забудешь о жестокихъ русскихъ морозахъ. Въ самыя суровыя зимы здѣсь не бываетъ больше 13 — 15° холода, да и то два-три дня такіе выдадутся. Счастье наше, что намъ не пришлось ѣхать степью, а то мы порядочно бы помучились для начала. Впрочемъ, пришлось-таки позаблудиться.

Катта-Курганъ — нашъ пограничный городъ съ Бухарой. Отъ него идетъ большая дорога въ столицу ханства, по долинѣ р. Зеравшана, черезъ городъ Зіаэдинъ и Кермине. Онъ раздѣляется на двѣ отдѣльныя части — сартовскій и русскій городъ, между которыми, на холмѣ, находится крѣпость. Эта, далеко не грозная, твердыня состоитъ изъ глинобитной стѣны съ выступами по угламъ для фланговой обороны. Внутри крѣпости построено нѣсколько казармъ. Со стѣны красивый видъ на сартовскій городъ. Хотя русскій городокъ въ настоящее время уже довольно разросся, имѣетъ нѣсколько улицъ и лавокъ, но постройки далеко не привлекательны и скрашиваются только рядами деревьевъ, посаженныхъ вдоль улицъ. Нѣсколько домовъ, принадлежащихъ мѣстному начальству, имѣютъ приличный видъ снаружи и удобны внутри, а объ остальныхъ лучше умолчать.

Въ Катта-Курганѣ стоитъ линейный баталіонъ и есть общество. Кромѣ того, близость Самарканда (¹) и хорошій почтовый трактъ допускаютъ возможность доставлять себѣ развлеченіе поездками въ столицу Зеравшанскаго округа. Жаль только, что здѣшній климатъ неблагоприятенъ: тутъ очень развиты лихорадки, происходящія вѣроятно отъ сырости долины Зеравшана.

Нанявъ лошадей для себя, для людей и подъ вещи, мы выѣхали 5-го октября изъ предѣльнаго поседенія русскихъ владѣній въ Туркестанѣ и, проѣхавъ 15 верстъ, вступили на иноземную почву. Впрочемъ, никакихъ признаковъ переѣзда границы тутъ не имѣется. Нѣтъ ни таможенъ, ни шлагбаумовъ, ни пограничной стражи; переѣхали мостикъ черезъ ручей, впадающій въ Зеравшанъ, и дѣло сдѣлано, — вы за-границей. Въ жителяхъ тоже нѣтъ ни малѣйшей разницы: тѣ-же чалмы и ермолки, тѣ-же халаты и тотъ-же сартовскій языкъ.

Мы сдѣлали въ этотъ день только 45 верстъ, такъ какъ выѣхали поздно изъ Катта-Кургана и только вечеромъ, когда уже стемнѣло, достигли Зіаэдина, мѣстопребыванія бека. Извѣщенный заранѣе о нашемъ пріѣздѣ, онъ встрѣтилъ насъ на дворѣ своего дома, въ богатой чалмѣ и парадномъ халатѣ. У воротъ былъ выстроенъ почетный караулъ изъ 10-ти или 12-ти бухарскихъ солдатъ.

(¹) Всего 60 верстъ.

Поставленные въ двѣ шеренги, бухарскіе воины держали ружья на караулъ по нашему, хотя и не совсѣмъ правильно, и смотрѣли довольно бодро, только въ глаза бросалось совершенное отсутствіе ранжировки: маленькіе и большіе люди стояли, какъ нарочно, черезъ одного, что для привычнаго къ нашему фронту глаза казалось очень страннымъ. Люди были одѣты въ синія куртки, въ родѣ мундировъ, и широкіе, красные шаровары, на головѣ имѣли фески, подобныя турецкимъ, а у лѣваго бедра тесаки. Вообще, солдаты имѣли видъ только что набранныхъ рекрутъ, попавшихъ въ первый разъ въ строй.

Мнѣ не случилось видѣть значительныхъ массъ бухарскихъ войскъ и ихъ военныхъ эволюцій, но то, что я видѣлъ, не особенно высоко поставило ихъ въ моемъ мнѣніи. Отъ другихъ мнѣ приходилось слышать, что бухарская пѣхота и раздѣлена, по европейски, на баталіоны, имѣетъ достаточное число офицеровъ и даже военные хоры духовой музыки, но движенія частей не отличаются стройностью и люди обучены очень слабо. Артилерія вооружена орудіями разныхъ системъ и видовъ и имѣетъ разнообразную запряжку: въ одной и той-же батарее нѣкоторые орудія и ящики запряжены въ шесть лошадей, а другія въ четыре. Кавалерія вся ирегулярная и почти вовсе не обучена, хотя всѣ люди отличные наѣзники. Такимъ образомъ, можно вывести заключеніе, что боевыхъ достоинствъ бухарская армія не имѣетъ и едва-ли способна къ энергическому и продолжительному сопротивленію въ полѣ.

Предложивъ намъ дастарханъ и размѣнявшись обычными вопросами о здоровьѣ, начиная съ самыхъ высокихъ лицъ, съ чего неизбежно начинается всякій разговоръ съ мѣстными властями государствъ Средней Азіи, бекъ оставилъ насъ въ комнатѣ, отведенной для ночлега.

Дастарханъ, или угощеніе, составляетъ обязательную принадлежность каждаго приѣма у мѣстныхъ жителей Средней Азіи. Онъ состоитъ изъ различныхъ лакомствъ, какъ-то: пряниковъ, орѣховъ, кишмишу, изюму, миндаля, простыхъ конфетъ, сушеныхъ и свѣжихъ фруктовъ, медовыхъ и хлѣбныхъ лепешекъ и проч. Все это раскладывается на большія, оловянные блюда и выставляется на большомъ столѣ, а за неимѣніемъ его—прямо на коврѣ, посреди отведенной для гостей комнаты. Кромѣ того, приносятъ небольшія головы сахару и леденцы въ деревянныхъ коробкахъ ⁽¹⁾, подаютъ чай, всегда пареный и очень плохой, пилалу ⁽²⁾, иногда шашлыкъ ⁽³⁾ и пельмени. Разнообразія въ

(1) Леденцы привозятся изъ Европейской Россіи, но сахаръ, большею частью, англійскій.

(2) Особенно приготовленная баранина съ рисомъ.

(3) Часть барана.

угощеніи никогда не бываетъ; принимаетъ-ли значительное лицо въ Бухарѣ или какой-нибудь деревенскій аксакаль ⁽¹⁾—подается то-же самое. Разница только въ количествѣ и отчасти въ качествѣ выставляемыхъ лакомствъ и подаваемыхъ яствъ.

Отказаться отъ дастархана—значить нанести глубокое оскорбленіе хозяину. По настоящему не слѣдуетъ даже ничего оставлять. Этимъ правиломъ вѣжливости часто пользуется прислуга гостей: обираетъ со стола все до чиста и продаетъ по дешевой цѣнѣ въ другомъ мѣстѣ. Опять эти продукты идутъ въ дастарханъ, опять продаются и т. д. до послѣднихъ предѣловъ возможности. Говорятъ, что беки, встрѣчающіе пріѣзжающихъ въ бухарскія владѣнія русскихъ дастарханами, представляютъ счетъ израсходованнымъ на сей предметъ суммъ и получаютъ ихъ въ возвратъ изъ казны. Угощая гостей лакомствами, купленными по дешевой цѣнѣ у прислуги предшествовавшихъ гостей, и представляя счета по стоимости новыхъ, любезные хозяева не остаются въ накладѣ. При продолжительномъ пребываніи въ Бухарѣ, эти однообразные дастарханы и угощенія такъ надоѣдаютъ, что, напри- мѣръ, на пилау просто смотрѣть противно.

Зіаэдинъ совершенно такой-же сартовскій городъ, какъ и туркестанскія мѣстныя поселенія. Узвія, кривыя улицы проходятъ между глиняными стѣнами, въ которыхъ мѣстами сдѣланы ворота и валитки. Иногда, особенно на углахъ улицъ, попадаются маленькіе базарчики изъ трехъ-четырехъ лавченоекъ. Укрѣпленій здѣсь нѣтъ.

На слѣдующее утро бекъ проводилъ насъ въ путь, и мы, сдѣлавъ около 25-ти верстъ, пріѣхали въ городъ Кермине, въ которомъ имѣетъ мѣстопробываніе сынъ бухарскаго эмира, именуемый Тюра-Джанъ ⁽²⁾. Такъ какъ я не имѣлъ никакихъ порученій въ Бухару, то и не долженъ былъ ему представляться, а остановился въ домѣ бека, гдѣ былъ приготовленъ изобильный дастарханъ.

Кермине считается самымъ большимъ городомъ въ Бухарскомъ ханствѣ послѣ столицы, но хотя населеніе его значительно, видомъ онъ нѣсколько не лучше другихъ восточныхъ городовъ. День нашего пріѣзда былъ базарный, почему около крѣпостной стѣны ⁽³⁾ толпилась огромная масса народа въ самыхъ разнообразныхъ, разноцвѣтныхъ

⁽¹⁾ Нѣчто въ родѣ сельскаго старосты.

⁽²⁾ Нынѣшній эмиръ бухарскій.

⁽³⁾ Центръ всякаго средне-азиатскаго значительнаго города окруженъ глинобитной стѣной, изображая крѣпость, съ нѣсколькими воротами. Ворота на ночь запираются и въ нихъ никого не пускаютъ безъ особаго разрѣшенія. Военнаго значенія эти крѣпости, при нынѣшней артилеріи, имѣть не могутъ.

востромахъ. Товары и продукты были разложены прямо на землѣ и торговцы сидѣли около нихъ правильными рядами. Вообще-же толпа обывателей, шатающихся по базару, приходитъ вовсе не съ цѣлью покупать, а просто потолкаться и поболтать, потому что средне-азіятцу очень трудно просидѣть весь день дома,—онъ все время проводитъ на улицѣ.

Домъ, въ которомъ мы остановились, довольно хорошо и удобно построенъ. Со стороны улицы видно только глухую стѣну съ воротами, а внутри—обширный дворъ: посрединѣ прудъ, обсаженный деревьями, а кругомъ—жилая помѣщенія. Изъ каждой комнаты выходитъ на дворъ нѣсколько дверей, оконъ-же нѣтъ вовсе. Одна изъ построекъ—съ широкой частью, крытой терасой, съ деревянными, крашеными столбами, въ видѣ колоннъ. Мебели въ комнатахъ нѣтъ, полъ устланъ коврами, а въ стѣнахъ сдѣланы углубленія съ полками. Для сидѣнья служатъ подушки и толстыя одѣяла. Только въ Кермине, Зіаэдинѣ и Бухарѣ дастарханъ былъ поставленъ на столѣ, а въ первыхъ двухъ городахъ около стола стояли даже три или четыре стула ⁽¹⁾. Въ прочихъ мѣстахъ угощеніе подавалось на коврѣ.

Вечеромъ любезный хозяинъ устроилъ для насъ тамашу и танцы бачей или мальчиковъ, одѣтыхъ женщинами, такъ какъ женщины никогда не показываются. О тамашѣ и другихъ бухарскихъ увеселеніяхъ я расскажу дальше, когда буду описывать пребываніе въ гор. Бухарѣ, гдѣ мнѣ довелось видѣть эти зрѣлища въ болѣе обширномъ и совершенномъ видѣ.

Въ 16-ти верстахъ отъ Кермине дорога пересѣкается полосой земли въ 24 версты ширины, называемой «голодной степью». Почва совершенно безплодная, покрытая гребенщикомъ, воды нѣтъ вовсе, населенія тоже. Хотя это совершенная пустыня, но грунтъ дороги твердый и проѣздъ не представляетъ никакихъ затрудненій.

По ту сторону «голодной степи», до самого города Бухары, на протяженіи почти 50-ти верстъ, страна обработана и густо населена. Дорога очень часто проходитъ по кышлакамъ ⁽²⁾, а подъѣзжая къ столицѣ поселенія—тянутся непрерывною линіею. Слѣдуетъ замѣтить, что хотя дорога отъ Катта-Кургана до Бухары считается неудобною для экипажей и по ней ѣздятъ только верхомъ или на арбахъ, но она вполнѣ годна для какаго угодно экипажа. Только поправивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мостики черезъ арыки ⁽³⁾, можно очень спокойно ѣхать по ней въ коляскѣ.

⁽¹⁾ Роскошь, появившаяся вслѣдствіе близости русской границы.

⁽²⁾ Кышлакъ—значить селеніе.

⁽³⁾ Арыкомъ называется вырытая канава съ водою. Арыки служатъ для орошенія полей.

Сдѣлавъ большой, утомительный переѣздъ, мы пріѣхали въ Бухару поздно вечеромъ и долго ждали, пока отворять ворота, хотя насъ ожидали и приготовили помѣщеніе въ домѣ русскаго посольства. Въ это время въ Бухарѣ находился состоявшій тогда чиновникомъ по дипломатической части при туркестанскомъ генераль-губернаторѣ статскій совѣтникъ Ибрагимовъ, который принялъ насъ весьма радушно и угощалъ по-европейски во все время нашего пребыванія тамъ, что было для меня весьма пріятно, такъ какъ пилау успѣлъ уже надѣсть до-нельзя.

Не смотря на то, что Бухара находится недалеко отъ русскихъ предѣловъ, ведетъ съ Россіей значительную торговлю и служить мѣсто-пребываніемъ многихъ русскихъ и вообще иностранцевъ, тамъ нѣтъ ни одной гостинницы или ресторана и невозможно ничего достать по части европейской кухни. Водки, винъ и вообще крѣпкихъ напитковъ также нѣтъ. Здѣсь не только стѣсняютъ, но даже вовсе запрещаютъ ихъ продажу—какъ предметы, не дозволенные религіею. Прежде даже нельзя было достать табакъ и папирсъ и только въ послѣднее время они начали появляться, да и то весьма плохаго качества. Мнѣ случилось видѣть даже сигары. Очень не любятъ также присутствія въ городѣ европейскихъ женщинъ и даже просятъ ихъ уѣзжать, на томъ основаніи, что, гуляя по улицамъ съ открытыми лицами, онѣ производятъ соблазнъ. Туземныхъ женщинъ на улицахъ почти не видно, а если и встрѣчаются, то плотно закутанныя въ голубые плащи съ длинными, сшитыми вмѣстѣ за спиной рукавами, такъ что совершенно нельзя разобрать формъ. Этотъ неуклюжій мѣшокъ составляетъ неизбѣжное одѣяніе сартовскихъ и бухарскихъ женщинъ на улицѣ. Онъ надѣвается на голову, а изъ подъ него спускается на лицо, а иногда почти до пояса, чадра (¹).

Бухара построена на ровной мѣстности и широко раскинулась. Только дворецъ эмира стоитъ на холмѣ, посреди города, и окруженъ высокою, зубчатою стѣной, изображая какъ-бы цитадель относительно крѣпостной стѣны, окружающей центральную часть. Въ городѣ есть нѣсколько большихъ мечетей и медресе (²) красивой постройки, но внутренность ихъ лишена какихъ бы то ни было украшеній, такъ какъ они воспрещены закономъ. Вообще внутренность магометанскихъ храмовъ очень однообразна, мрачна и печальна. Между прочимъ, у одной изъ мечетей построена громадной высоты круглая башня, назначаемая

(¹) Сѣтка, которою женщины закрываютъ лицо, такъ что даже стоя рядомъ невозможно ничего рассмотреть. Дѣвушки носятъ бѣлыя, а женщины черныя чадры.

(²) Учебное заведеніе высшаго разряда.

для сзыванія народа на молитву. Съ этой башни сбрасываютъ приговоренныхъ къ смерти преступниковъ. Въ царствованіе настоящаго эмира, какъ мнѣ говорили, былъ только одинъ случай подобной казни: эмиръ, велѣлъ сбросить съ башни служителя, избивченнаго въ лжесвидѣтельствѣ. Замѣчателенъ также въ Бухарѣ базаръ или, по нашему, гостинный дворъ. Это обширная, крытая, глиняная постройка, имѣющая нѣсколько улицъ и проходовъ. Въ сводѣ сдѣланы отверстія для прохода свѣта, а на перекресткахъ и мѣстами по улицамъ повѣшены фонари. Съ обѣихъ сторонъ тянутся ряды лавокъ, хотя не блестящей внѣшности, но заваленные товарами. Видъ базара напоминаетъ большой пассажъ, только, конечно, не такой изящной наружности, какъ европейскіе пассажи. Базаръ очень оживленъ: тутъ съ утра до вечера толчется большинство мужскаго населенія столицы. Торгуютъ также на площади передъ воротами дворца, какъ у насъ на толкучемъ рынкѣ; здѣсь можно видѣть цѣлый день сплошную массу ничего не дѣлающаго и глазѣющаго по сторонамъ народа.

Окраины города, наоборотъ, очень пустынные. Можно проѣхать нѣсколько улицъ и никого не встрѣтить; иногда развѣ попадется старый бухарецъ верхомъ на ишакѣ (ослѣ), да у нѣкоторыхъ воротъ торчатъ маленькія дѣти, очень невзрачно одѣтыя и всегда грязныя. Я объѣхалъ окраины и нахожу въ нихъ много сходства съ кишлаками; трудно даже опредѣлить, гдѣ оканчивается городъ и начинаются подгородныя селенія. По всей вѣроятности подъ городомъ подразумѣвается только центральный кварталъ, окруженный стѣною. Но не слѣдуетъ предполагать, судя по многолюдности центра, а главное базара, что народонаселеніе живетъ здѣсь скученно: большинство горожанъ приходятъ съ окраинъ, проводятъ весь день на базарѣ и къ вечеру возвращаются домой. Оба пола ведутъ совершенно противоположную жизнь: женщины никогда или очень рѣдко выходятъ изъ дома, а мужчины никогда не сидятъ дома.

Черезъ два или три дня по прибытіи, я поѣхалъ, сопровождаемый небольшимъ конвоемъ изъ казаковъ, представиться живущему во дворцѣ Кушъ-беги ⁽¹⁾, который принялъ меня весьма вѣжливо. Въ комнатѣ, гдѣ было подано угощеніе, стоялъ столъ и три деревянныхъ кресла съ твердыми сидѣньями, такъ что мы сидѣли и разговаривали по европейски. Для ѣды были даже поданы тарелки, ножи и вилки — единственный случай, когда я видѣлъ въ Бухарѣ эти необходимыя и обыкновенныя у насъ принадлежности стола.

Послѣ нѣсколькихъ обыденныхъ фразъ о здоровьѣ и о цѣли пу-

(1) Министръ военный и финансовъ.

тешествія, мы встали и откланялись почтенному министру. Разговоры съ значительными лицами средне-азіятскихъ государствъ бывають всегда очень трудны и натянуты, такъ какъ производятся черезъ переводчика, которымъ слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью, если онъ не довѣренное лицо. Переводчикъ часто путаетъ фразы, прибавляетъ свое и говорить совсѣмъ не то, что вы сказали, такъ что если пуститься въ многословный и интересный разговоръ, то рискуешь попасть въ большой просакъ: узнаешь не то, что желаешь узнать, и передашь не то, что хочешь передать. Служащіе здѣсь переводчиками джигиты часто сочиняють такія штуки изъ корыстолюбивыхъ или другихъ какихъ либо видовъ.

Мы пробыли въ Бухарѣ девять дней и провели время не скучно, благодаря любезности И. И. Ибрагимова. Днемъ читали, гуляли и катались по городу, а по вечерамъ насъ развлекали томами и сценическими представленіями.

Пляски бачей, сопровождаемыя музыкой, составляютъ главное, почти единственное увеселеніе туземцевъ Средней Азіи. Инструментами оркестра являются бубны, разогрѣваемые на жаровняхъ, и металлическія тарелки, по которымъ колотятъ пальцами, издающія весьма не гармоническіе звуки. Подъ эту шумную и не совсѣмъ мелодичную музыку вертятся, скачутъ, кривляются и машутъ руками переодѣтые въ женскій костюмъ мальчики съ длинными, привязанными волосами. Мнѣ нерѣдко доводилось видѣть эти пляски въ Ташкентѣ и Самаркандѣ, но чего я никогда не слышалъ, это—пѣнія бачи. У одного изъ представлявшихъ «артистовъ» довольно большой и пріятный голосъ; онъ поэтому не пляшетъ, а только поетъ, и его пѣніе, какъ я слышалъ, очень нравится эмиру. Сначала оно кажется лишеннымъ всякаго смысла и гармоніи, но если нѣсколько привыкнуть и вслушаться, то можно разобрать мотивъ, не лишенный пріятности. Мелодичнѣе всѣхъ любимая пѣсня эмира о значеніи дружбы и необходимости имѣть въ жизни друга. Вообще содержаніе пѣсенъ очень нравственное; восхваляются разныя добродѣтели, а иногда даже религіозное. Акомпанируетъ пѣвцу особенный инструментъ, формою похожій отчасти на гитару, а отчасти на скрипку. На немъ натянута одна струна и играютъ смычкомъ. Звуки выходятъ рѣзкіе и заунывные. Музыкантъ, игравшій при насъ, имѣетъ довольно развитый музыкальный слухъ: онъ очень вѣрно подбиралъ на своемъ инструментѣ разныя русскіе мотивы, которые ему напѣвали, и выходило очень недурно.

Особенно оригинальны были видѣнные нами комедіи. Главнымъ лицомъ въ нихъ является любимый комическій актеръ эмира Джурабай.

Онъ исполняетъ должность режиссера и начальника труппы, въ которой, впрочемъ, кромѣ его, нѣтъ ни одного порядочнаго актера. Во всѣхъ представляемыхъ сценахъ Джурабай играетъ главную, почти единственную роль, другіе же назначаются только для реплики или изображаютъ животныхъ и даже неодушевленные предметы, какъ, напримѣръ, сѣдалища, мельницы, повозки и т. п. Содержаніе сценъ болѣею частью заключается въ осмѣяніи разныхъ личностей или мѣстныхъ обычаевъ. Сущность представляемаго легко понять по выразительной пантомимѣ, сопровождающей разговоръ. Между прочимъ мы видѣли изображеніе охоты на сайгъ, школы, еврейскихъ похоронъ, судебного разбирательства, похождения нищаго, мельника и проч. Каждая сцена продолжается около получаса и даже дольше. Всего удивительнѣе то, что въ числѣ изображаемыхъ лицъ являются въ комическомъ видѣ магометанскія духовныя лица, надъ которыми, насколько я могъ понять и узнать черезъ переводчика, Джурабай довольно ѣдко насмѣхается. При извѣстной набожности мусульманъ, трудно было предполагать, что у нихъ дозволяются подобныя вольности.

Зрители слѣдятъ за ходомъ дѣйствія съ большимъ интересомъ; по ихъ оживленнымъ лицамъ и громкому смѣху сейчасъ видно, что зрѣлище имъ очень нравится. Вообще я замѣтилъ, что туземное населеніе Средней Азіи питаетъ большое расположеніе къ разнымъ зрѣлищамъ и представленіямъ. Обыкновенно медленные, вялые и сонные, они при этомъ оживляются до такой степени, что иногда вмѣшиваются въ дѣйствіе и даютъ реплики находящемуся на сценѣ актеру. Насколько они почитаютъ сценическій талантъ—можно видѣть изъ того, что Джурабай пользуется большимъ почетомъ и извѣстенъ всѣмъ жителямъ столицы, которые кланяются ему при встрѣчѣ и вообще относятся къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Возвращаясь къ представленіямъ, слѣдуетъ еще упомянуть о сценической обстановкѣ и о костюмахъ. Обстановки при спектакляхъ вовсе не существуетъ; представленіе происходитъ посреди комнаты, на коврѣ, безъ всякихъ декорацій или подобія сцены, а костюмировка совершенно первобытна. Впрочемъ, такъ какъ сюжеты взяты изъ вседневной жизни, то и костюмовъ особенныхъ не требуется. Напримѣръ, для изображенія нищаго актеръ раздѣвается до нага, повязываетъ вокругъ бедръ кусокъ холста и беретъ въ руки посохъ, — нищій готовъ. Для изображенія сайгъ актеры также раздѣваются, обертываютъ туловище бараньей шкурой шерстью наружу, а козѣ прикрѣпляютъ рога, — являются сайги. Станетъ комедіантъ посреди комнаты, растопыритъ руки и ноги, — значитъ вѣтреная мельница. Такимъ образомъ обста-

новка основана на сильномъ воображеніи зрителей. Не смотря на всю первобытность описываемыхъ мною представлений, они не скучны, особенно если понимать мѣстный языкъ, потому что Джурабай дѣйствительно искусно копируетъ различные личности. Недостатокъ его заключается въ томъ, что иногда онъ ужъ слишкомъ утрируетъ и паясничаетъ. Впрочемъ это необходимо, чтобы заслужить одобреніе мало развитыхъ зрителей.

Во время пребыванія въ Бухарѣ, я нѣсколько разъ присутствовалъ при представленіяхъ. Конечно, они могутъ представить интересъ только въ смыслѣ изученія мѣстныхъ нравовъ, а затѣмъ очень надоедаютъ, но приходится на нихъ присутствовать, чтобы не обидѣть хозяевъ, угощающихъ этими занимательными зрѣлищами пріѣзжаго гостя и можетъ быть воображающихъ, что они доставляютъ ему огромное удовольствіе.

Послѣ девятидневнаго пребыванія въ столицѣ Бухарскаго ханства, мы отправились дальше, на городъ Каракуль и крѣпость Усты, находящуюся на берегу р. Аму-Дарьи.

Отъ Бухары до Каракуля, на протяженіи 50-ти верстъ, дорога опять идетъ все время кышлаками, какъ и до столицы. Поля засѣяны и множество арыковъ прорѣзаютъ ихъ по всѣмъ направленіямъ. Вездѣ замѣтна дѣятельность и оживленіе; но за Каракулемъ населенность постепенно уменьшается, а въ 16-ти верстахъ отъ этого города начинаются глубокіе пески, которыми приходится проѣзжать до самой Аму-Дарьи, на протяженіи около 35-ти верстъ. Ничего нѣтъ печальнѣе и непріятнѣе путешествія этими песками. Они наносные и приносятся сѣверо-восточнымъ вѣтромъ изъ киргизскихъ степей. Съ каждымъ годомъ пески подвигаются дальше и дальше, хотя медленно, но настойчиво, и придетъ когда нибудь (хотя и очень не скоро) время, когда долина Зеравшана и Бухара, средоточіе ханства, будутъ засыпаны. Песчаная степь представляетъ большіе холмы или барханы, покрытые рѣдкимъ кустарникомъ саксаула ⁽¹⁾ и другихъ растений. На поверхности бархановъ отчетливо видны слои песку, наносимаго вѣтромъ. Съёмка и изученіе пути въ здѣшнихъ пескахъ едва-ли можетъ принести какую либо пользу, потому что дорога мѣняется нѣсколько разъ въ году. Еслибы пришлось войскамъ проходить черезъ эти степи, то необходимы хорошіе проводники и изслѣдованіе мѣстности непосредственно передъ движеніемъ. Пользоваться описаніями и планами, снятыми въ прежнее время, весьма опасно.

Дорога или, вѣрнѣе, тропинка, возможная только для вьючнаго

(1) О свойствахъ саксаула будетъ рассказано ниже.

движенія, идетъ все время косогорами, переходя съ одного бархана на другой, съ большими извилинами. Иногда она совсѣмъ пропадаетъ, такъ что даже проводники, хорошо знакомые съ мѣстностью, принуждены прибѣгать къ розыскамъ. Случается также, что караваны верблюдовъ, слѣдующіе отъ береговъ Аму-Дарьи къ Бухарѣ или въ другихъ направленіяхъ, сами прокладываютъ себѣ новыя тропинки, почему легко сбиться съ дороги и выѣхать совсѣмъ не къ тому мѣсту, куда нужно.

Одно изъ большихъ неудобствъ песчаныхъ степей—это полное отсутствіе воды на поверхности земли. Лица, опытные въ подобныхъ путешествіяхъ, знаютъ, что подъ слоемъ песку находятся часто породы не пропускающія влагу, такъ что стоитъ вырыть колодезь въ 1 — 2 аршина глубины, чтобы добыть воду, но подобныя мѣста не всегда встрѣчаются: можно рыть много и безуспѣшно, — здѣсь необходима опытность и, отчасти, удача. Люди же, не знающіе свойствъ песчаныхъ степей, если не запасутся въ достаточномъ количествѣ водой, особенно въ жаркое, лѣтнее время, много натерпятся бѣдъ. Путешествіе лѣтомъ здѣсь ужасно тяжело: песокъ увеличиваетъ жаръ и животныя едва передвигаютъ ноги по трудной дорогѣ подъ палящими лучами солнца. Если же поднимется вѣтеръ, то песчаная пыль осыпаетъ несчастныхъ путниковъ, попадая въ глаза, въ носъ, въ ротъ и въ уши.

Къ счастью, мы путешествовали не лѣтомъ, имѣли запасъ воды и легко прошли песчаную степь, т. е. относительно легко, потому что движеніе по глубокому песку, косогорами, крутыми подъемами и спусками было настолько медленно и трудно, что, выѣхавъ изъ Каракуля рано утромъ, только поздно вечеромъ выбрались изъ песковъ, до такой степени утомленные, что отказались отъ намѣренія доѣхать до Усты и остановились на ночлегъ въ первомъ попавшемся кишлакѣ, въ четырехъ верстахъ отъ этой крѣпости; вещи же наши прибыли только на слѣдующій день.

Каракуль — городъ совершенно подобный мѣстнымъ населеннымъ пунктамъ Туркестана и не представляетъ ничего интереснаго для путешественника, но крѣпость Усты очень оригинальна. Небольшая скала неправильной формы, съ почти отвѣсными скатами, одиноко возвышается на самомъ берегу Аму-Дарьи. Верхъ скалы увѣнчанъ каменною, зубчатою стѣною съ единственными воротами, къ которымъ нужно подниматься по крутой лѣстницѣ, высѣченной въ самомъ отлогомъ, южномъ скатѣ скалы. Вверху видно нѣсколько строеній, возвышающихся за стѣной, а внизу, у подножія, нѣсколько навѣсовъ для животныхъ и построекъ, служащихъ караванъ-сараемъ для проходящихъ каравановъ.

Крѣпость Усты нѣсколько похожа на средне-вѣковой рыцарскій за-

мокъ. Она совершенно неприступна для кочевыхъ туркменъ, рыскавшихъ прежде большими шайками по берегамъ Аму-Дарьи. Даже въ настоящее время и съ помощью артилеріи, не легко овладѣть этимъ орлинымъ гнѣздомъ. Небольшой гарнизонъ, хорошо защищенный отъ навѣснаго огня и достаточно снабженный боевыми и продовольственными запасами, можетъ долго продержаться, если не употребить въ дѣло минъ, потому что взобраться по отвѣснымъ скаламъ скалы совершенно невозможно. Тѣмъ не менѣе, крѣпость эта имѣетъ очень мало значенія въ военномъ отношеніи, потому что ее можно блокировать весьма небольшимъ отрядомъ, а гарнизонъ, запертый въ своемъ неприступномъ гнѣздѣ, лишень возможности обороняться активно. Кажется, эта крѣпость теперь упряднена, потому что на укрѣпленіяхъ не видно никакого вооруженія, они плохо поддерживаются и гарнизона нѣтъ. Причина, по всей вѣроятности, въ томъ, что набѣги туркменъ въ послѣднее время почти прекратились, а если и показываются шайки, то очень малочисленные и способныя только на мелкое воровство, но не на разбой въ большихъ размѣрахъ.

Въ Усть-уртѣ я видѣлъ въ первый разъ зинданъ или бухарскую тюрьму. Въ землѣ вырыта яма, глубиною сажень въ пять; верхнее отверстіе узкое, въ родѣ колодезнаго, а внизу яма уширена. Въ эту пещеру сажаютъ преступника и заваливаютъ камнемъ верхнее отверстіе почти на-глухо, такъ что свѣтъ и воздухъ проникаютъ туда только черезъ узкую щель. Заключенному не даютъ ровно ничего—ни сѣдалища, ни подстилки для сна, а пищу и питье спускаютъ разъ въ день на веревкѣ. Въ этомъ то клоакѣ, наполненномъ всякими отвратительными гадами и насѣкомыми, преступникъ просиживаетъ иногда нѣсколько лѣтъ. Мнѣ рассказывали, что нѣкоторые сидѣли въ зинданѣ до 20-ти лѣтъ, и я лично знаю одного бухарца, бывавшаго въ Туркестанѣ и говорящаго по-русски, который высидѣлъ въ зинданѣ семь лѣтъ.

Право сажать въ зинданъ имѣетъ не одинъ эмиръ, а каждый бекъ, во владѣніяхъ котораго устроено это милое помѣщеніе, и я слышалъ, что беки пользуются имъ не только какъ безпристрастные судьи, но и съ корыстолюбивыми цѣлями, сажая туда людей сомнительной виновности и требуя за освобожденіе болѣе или менѣе значительное вознагражденіе. При деспотическомъ правленіи и плохо организованномъ контролѣ, подобные случаи конечно возможны, но они не вполне безопасны для бека-афериста: если эти продѣлки дойдутъ до свѣдѣнія эмира, то самъ бекъ рискуетъ занять подобную же квартиру, что неоднократно и случалось.

Осмотрѣвъ крѣпость, мы полюбовались прелестнымъ видомъ, откры-

вающимися во всѣ стороны на огромное пространство. Съ обѣихъ сторонъ Аму-Дарьи разстилается совершенно ровная степь, по которой протекаетъ широкая, извилистая рѣка. На правомъ берегу, мѣстами, виднѣются усаженные деревьями кишлаки и обработанныя поля; лѣвый же совсѣмъ пустынный и представляетъ обширную песчаную равнину, простирающуюся до самаго Ахаль-Текинскаго оазиса. Затѣмъ былъ поданъ завтракъ у бека, повидимому добраго и радушнаго старика. Его область, составляющая прибрежную полосу Аму-Дарьи, не богата населеніемъ и онъ довольно бѣденъ, сравнительно съ другими беками. До неизмѣннаго дастархана мы, конечно, не прикоснулись, но выпили по нѣсколько чашекъ чаю съ хлѣбными лепешками. Бекъ былъ такъ любезенъ, что предложилъ своего сына, чтобы проводить насъ до селенія Ильджикъ ⁽¹⁾, гдѣ останавливаются каюки ⁽²⁾, и помочь въ наймѣ лодки для переѣзда въ Петроалександровскъ.

Отъ Усты до Ильджика береговая полоса довольно населена и кишлаки встрѣчаются часто; самый же Ильджикъ небольшое поселеніе и непонятно, почему именно оно выбрано мѣстомъ стоянки каюковъ. Отсюда нѣтъ дорогъ внутрь страны, а только къ югу на Усты и по берегу къ сѣверу на урочище Акъ-Рабатъ. Даже движеніе на Мервъ выгоднѣе отъ Усты, такъ какъ тамъ удобная переправа черезъ Аму-Дарью ⁽³⁾. Устройство мѣста нагрузки у Ильджика можетъ быть оправдано развѣ только тѣмъ, что здѣсь рѣка довольно глубока у берега и каюки могутъ нагружаться непосредственно, безъ необходимости устраивать пристань. Если-бы мѣсто нагрузки находилось около Усты, то нужно бы было сдѣлать пристань, на что не является охотниковъ, такъ какъ торговое движеніе по Аму-Дарьѣ весьма незначительно.

II.

Описаніе каюка.—Стоимость провоза.—Устройство на каюкъ.—Плаваніе по Аму-Дарьѣ.—Берега.—Высота воды.—Мели.—Ночлеги.—Урочище Кабаклы.—Воинственный бекъ.—Прибытіе въ Петроалександровскъ.

Каюки—единственные суда, плавающія по Аму-Дарьѣ. Они служатъ для провоза товаровъ почти исключительно внизъ по рѣкѣ, изъ Бухарскаго ханства въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Обратное же движеніе

⁽¹⁾ Въ 20-ти верстахъ ниже Усты по рѣкѣ.

⁽²⁾ Мѣстное названіе большихъ лодокъ или барокъ.

⁽³⁾ Главный путь изъ Бухары на Мервъ переходитъ Аму-Дарью у Чарджуя.

производится обыкновенно порожнёмъ, потому что приходится тянуть суда бичевою, что чрезвычайно трудно: рѣка у береговъ мелка и часто встрѣчаются мели, препятствующія движенію тяжело нагруженныхъ, глубоко сидящихъ въ водѣ судовъ.

Какую представляетъ неглубокую, плоскодонную барку, съ низкими бортами, съ остроконечнымъ носомъ и кормою. Борта обшиты фашинами и скрѣплены четырьмя или пятью поперечными брусьями, разделяющими какую на два крайнія, треугольныя отдѣленія и три или четыре среднія. Крайнія отдѣленія очень не велики; въ носовомъ сдѣланы четыре уключины для веселъ и сложенъ каменный очагъ для варки пищи. Въ среднихъ отдѣленіяхъ укладываются товары, упакованные въ капы или мѣшки изъ грубой матеріи. Въсѣ каждаго капа зависитъ отъ товара, который въ немъ находится: такъ, напримѣръ, въсѣ капа съ табакомъ 9—10 пудовъ. Какую очень тяжело нагружается, такъ что когда онъ нагруженъ, то на поверхности воды видна только фашинная обшивка бортовъ, носъ и корма. При этомъ онъ сидитъ отъ трехъ до четырехъ футовъ. Капы кладутся рядами, одинъ на другомъ, вдоль и поперекъ попеременно, и только крайнія отдѣленія каюка остаются свободными. Въ носовомъ помѣщаются четыре гребца, причемъ каждый дѣйствуетъ однимъ весломъ, а въ кормовомъ лоцманъ, управляющій каюкомъ посредствомъ длиннаго шеста. Нѣтъ ни мачтъ, ни парусовъ, ни руля. Нѣтъ также никакого подобія каюты или какого нибудь крытаго помѣщенія.

Примѣняя какую къ военнымъ цѣлямъ, можно сказать приблизительно, что на немъ можно помѣстить полу-роту боеваго состава или 25—30 кавалеристовъ. Впрочемъ, каюки бываютъ различной величины и я беру вмѣстимость средняго.

Провозъ на какую стоитъ очень дорого. Часть этихъ судовъ принадлежитъ бухарскому эмиру, но большинство частнымъ лицамъ, такъ что плата за провозъ назначается по взаимному соглашенію, причемъ каючники (¹) имѣютъ склонность сильно запрашивать и слѣдуетъ много и упорно съ ними торговаться. За цѣлый какую отъ Чарджуя (²), главной ихъ станціи, до Петроалександровска, приблизительно до 500 верстъ, платится около 280 рублей. Цѣна эта опредѣляется въсомъ товара, который можетъ быть нагруженъ на судно, при извѣстной стоимости провоза одного пуда. Нечего и говорить, что эта плата очень велика и объясняется только малымъ числомъ каюковъ, плавающихъ

(¹) Хозяева каюковъ.

(²) Около ста верстъ выше Ильджика по теченію рѣки.

по рѣкѣ. Впрочемъ, плата бываетъ въ высшей степени разнообразна; она зависитъ отъ числа свободныхъ каюковъ, отъ времени года, отъ обстановки и значенія лица, которое нужно вести. Съ однихъ берутъ очень дешево, съ другихъ дерутъ немилосердно и большинство европейцевъ слѣдуетъ причислить къ послѣдней категоріи. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ отправиться въ путь, нужно хорошенько стorgоваться, точно условиться въ цѣнѣ и взять письменное подтвержденіе заключеннаго найма, иначе можно легко попасться и заплатить въ три-дорога. Одною изъ главныхъ причинъ дороговизны провоза является необходимость каючникамъ возвращаться назадъ порожнемъ, такъ что они берутъ плату какъ бы за двойной путь.

Не смотря на такую, кажущуюся съ перваго взгляда, дороговизну путешествія по Аму-Дарѣ, можно проѣхать на каюкѣ гораздо дешевле, только съ условіемъ не имѣть при себѣ слишкомъ много вещей и отказавшись отъ нѣкоторыхъ удобствъ. Если нанять цѣлый каюкъ, то можно раскинуть на немъ палатку или даже устроить нѣчто въ родѣ каюты и гулять свободно по судну во время плаванья. Въ этомъ случаѣ каючникъ подчиняется волѣ нанявшаго его путешественника, ѣдетъ днемъ и ночью ⁽¹⁾, останавливается, когда и гдѣ угодно нанимателю и т. под. При дешевой же перевозкѣ приходится проводить все время подъ открытымъ небомъ и состоять въ распоряженіи хозяина каюка.

Дешевый способъ заключается въ томъ, что путешественники ѣдутъ вмѣстѣ съ товарами, замѣняя собою и вещами нѣсколько каповъ одного съ ними вѣса. Такимъ образомъ, они уплачиваютъ только стоимость провоза товара, который замѣнили. Для людей устраиваютъ помѣщеніе между тюками, вещи складываютъ на тюки и даже отводятъ мѣста для лошадей, если онѣ есть у проѣзжающихъ. Конечно, въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи объ устройствѣ каюты или палатки и вообще помѣщеніе далеко не отличается удобствомъ, но за то и цѣна гораздо умѣреннѣе.

Не имѣя средствъ нанять цѣлый каюкъ, я прибѣгнулъ къ послѣднему способу. Насъ было четверо людей, четыре лошади, четыре вьючныхъ ящика, сѣдла, желѣзныя кровати и нѣсколько другихъ мелкихъ вещей. Осмотрѣвъ все и опредѣливъ, сколько каповъ мы замѣняемъ, при извѣстной стоимости каждаго капа въ 18 тенгъ ⁽²⁾, каючникъ стоворился довести насъ съ лошадьми и вещами за 50 руб. Это было

(1) Если только состояніе воды не препятствуетъ, о чемъ будетъ упомянуто ниже.

(2) Тенга—серебряная бухарская монета, ходила въ то время по курсу 28 копѣекъ.

очень не дорого, но мнѣ пришлось таки порядочно поторговаться—онъ запросилъ сто. За эти же деньги хозяинъ каюка обязался кормить насъ всю дорогу, два раза въ день, нилау, а лошадѣй джугарой (¹). Что же касается до продолжительности пути, то каючникъ не сказалъ ничего опредѣленнаго, объявивъ только, что надѣется приѣхать въ Петроалександровскъ дней черезъ семь или восемь. Это мнѣ показалось ужасно долго, тѣмъ болѣе, что я слышалъ, какъ нѣкоторые совершали этотъ переѣздъ въ три, четыре дня. Однако-же въ послѣдствіи я убѣдился, что быстрота ѣзды находится въ зависимости отъ времени года и мѣсяца. Мы ѣхали въ самое невыгодное время: въ октябрѣ очень мало воды въ Аму-Дарьѣ, рѣка сильно мелѣетъ и, кромѣ того, пришлось новолуніе, когда ночи очень темны. Конечно, при подобной обстановкѣ ѣхать ночью было совсѣмъ невозможно и приходилось каждый вечеръ останавливаться на ночлеги, тѣмъ болѣе, что каюкъ былъ сильно нагруженъ, глубоко сидѣлъ въ водѣ, а рабочихъ на веслахъ было всего пять человѣкъ. Они гребли почти безсѣнно весь день и до того уставали, что трудно было и требовать отъ нихъ еще ночной работы. Такимъ образомъ, мы дѣлали среднимъ числомъ около 50-ти верстъ въ сутки.

Переговоры о наймѣ были окончены въ день нашего прибытія въ Ильджики и на слѣдующее утро мы могли начать путешествіе водою.

Мѣсто загрузки находится въ полу-верстѣ отъ селенія и дѣйствительно довольно удобно: берегъ настолько высокъ, что каюки стояли вплотную и товары нагружались съ помощью досокъ. На берегу оказалось много народа и большое количество каповъ. Мы должны были ѣхать въ большомъ обществѣ. Каючники рѣдко плаваютъ по Аму-Дарьѣ въ одиночку; большею частью ѣдетъ вмѣстѣ отъ четырехъ до шести каюковъ и даже больше, особенно во время мелководья. Лодки часто садятся на мель и приходится помогать другъ другу. Впрочемъ, насколько я могъ замѣтить, и хозяева, и работники довольно эгонистичны: если съ товарищемъ случится несчастье, они ѣдутъ дальше и еще смѣются надъ нимъ, оставляя его выпутываться изъ бѣды какъ знаетъ. По крайней мѣрѣ, сколько разъ мы ни садились на мель, никто намъ никогда не помогалъ, и мы принуждены были поправлять дѣло одними собственными силами. Другая причина привычки путешествовать въ компаніи заключается въ боязни встрѣтиться съ шайкой туркменъ,

(¹) Растеніе джугара разводится въ большомъ количествѣ въ Зеравшанскомъ округѣ и Бухарскомъ ханствѣ. Оно замѣняетъ лошадямъ овесъ, но далеко не такъ питательно. Нѣкоторые лошади не любятъ джугару и плохо ѣдятъ ее.

рыскающихъ по лѣвому берегу Аму-Дарьи. Въ прежнее время они даже переплывали рѣку и грабили на правомъ берегу. Послѣ Ахаль-текинской экспедиціи набѣги и разбои туркменъ прекратились и мнѣ кажется, что эта опасность теперь больше воображаемая. Если туркмены и появляются, то въ слишкомъ незначительныхъ силахъ, чтобы рискнуть на открытое нападеніе. Я узналъ о прекращеніи разбоевъ отъ довольно компетентнаго въ этомъ отношеніи лица—кабаклинскаго бека. Что до меня касается, то я нисколько не ожидалъ нападенія и проѣхалъ этотъ столь опасный нѣкогда путь вчетверомъ почти безъ оружія, такъ какъ у насъ было всего два револьвера Смита и Вессона и одинъ револьверъ-бульдогъ. Винтовокъ-же мы вовсе не имѣли.

Помѣщеніе для меня и С. Д. Гескета было устроено по самой срединѣ каюка, между капами съ табакомъ. Оно имѣло видъ четырехугольника и было настолько просторно, что мы могли очень удобно сидѣть или лежать. Между нами поставили въѣзный ящикъ въ видѣ стола, а на подстилку подостлали нѣсколько кошмъ ⁽¹⁾ и одѣялъ. Деньщики расположились на капахъ около вещей. Двѣ лошади были поставлены головами къ борту, а хвостами другъ къ другу, около носоваго отдѣленія, а двѣ—около кормоваго. Стояли онѣ довольно удобно, но весьма трудно было сводить ихъ на ночь на берегъ, потому что мы не имѣли ни мостковъ, ни досокъ, и имъ приходилось прыгать. Оставлять же лошадей ночевать на каюкѣ тоже оказалось неудобнымъ: онѣ били копытами далеко не прочное дно, такъ что уже на третій день пути оказалась течь. Впрочемъ, степныя лошади скоро приноравливаются ко всякой обстановкѣ. Наши добрые кони прекрасно перенесли путешествіе водою и не доставили намъ ни малѣйшаго безпокойства. Помѣстившись, такимъ образомъ, довольно сносно, мы проводили цѣлые дни въ чтеніи или разсматривали карту и опредѣляли урочища, мимо которыхъ проѣзжали. Погода намъ очень благопріятствовала: во все время переѣзда дожда не было ни раза.

Хотя Аму-Дарья отъ самаго Ильджели почти до Петроалександровска ⁽²⁾, на протяженіи около 300 верстъ, сохраняетъ одно главное направленіе на сѣверо-западъ, но дѣлаетъ много мелкихъ изгибовъ, почему путь водою гораздо длиннѣе, чѣмъ по берегу. Мѣстами приходится настолько заворачивать, что ѣдешь какъ будто въ обратную сторону. Фарватеръ не такъ измѣнчивъ, какъ въ Сыръ-Дарьѣ, но все-

(1) Кошма—войлокъ изъ верблюжьей шерсти. Иногда кошмы бываютъ цвѣтныя и съ узорами, какъ ковры, а иногда простыя—бѣлыя, сѣрыя или черныя. Бѣлая кошма тоньше, лучше, но и дороже другихъ.

(2) До развалинъ крѣпости Мешекли.

таки представляет много изгибовъ. Рѣдко онъ проходитъ по срединѣ рѣки; иногда приближается къ правому, но большею частью къ лѣвому берегу и мѣстами довольно узокъ. Теченіе быстрое, особенно во время половодья, но въ то время, когда мы ѣхали, оно было не особенно быстро и приходилось все время работать веслами.

Берега, особенно лѣвый, совершенно отлоги. На правомъ берегу иногда виднѣются небольшіе холмы, образующіе скалистые, мѣстами почти отвѣсные обрывы въ рѣку. Иногда значительныя массы земли, постоянно подмываемыя, обрушиваются съ большимъ шумомъ въ воду, почему контуръ береговъ измѣняется. Группы прибрежныхъ холмовъ извѣстны подъ названіемъ разныхъ урочищъ, но селеній, исключая Кабаклы, нѣтъ ни на правомъ, ни на лѣвомъ берегу; на правомъ иногда встрѣчаются только развалины кишлаковъ, а иногда и укрѣпленій. Какъ видно, нѣкогда здѣсь было населеніе, но теперь это совершенная пустыня. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ начинаются песчаныя степи, которыя тянутся, съ одной стороны, до самаго Аму-Дарьинскаго отдѣла, а съ другой—до Хивинскаго оазиса.

Растительности на берегахъ почти нѣтъ никакой. Иногда попадаются небольшіе, рѣдкіе кусты, которые составляютъ плохой матеріалъ для топлива, развѣ для костровъ. Но эта растительность встрѣчается рѣдко; большая часть береговъ совсѣмъ обнажена.

Аму-Дарья рѣка многоводная, но количество воды сильно измѣняется подъ вліяніемъ временъ года. Весною и лѣтомъ, вслѣдствіе таянія снѣговъ въ горахъ, гдѣ беретъ начало рѣка и ея притоки, вода бываетъ очень высока и случаются значительныя разливы, но въ концѣ осени прибыль воды уменьшается и образуются мели, такъ что плаванье затруднительно для глубоко сидящихъ судовъ. Даже каюки принуждены много лавировать и быстрота теченія часто увлекаетъ ихъ на мель. Такъ какъ каюкъ судно плоскодонное, то столкнуть его съ мели можно легко и скоро, но все-таки эти случаи задерживаютъ плаванье и не допускаютъ возможности продолжать путь ночью, даже и при лунномъ свѣтѣ. Во время нашего переѣзда мы ежедневно садились на мель по нѣскольку разъ и сходили съ нея съ помощью шестовъ. Только одинъ разъ пришлось рабочимъ сойти въ воду, чтобы столкнуть лодку.

Отъ конца декабря до половины февраля, въ нижнемъ теченіи и въ дельтѣ рѣка замерзаетъ, такъ что плаванье на это время прекращается. Ледъ бываетъ настолько толстъ и крѣпокъ, что не только люди и животныя могутъ переходить спокойно, но онъ выдерживаетъ и навьюченные повозки. Конечно, продолжительность замерзанія и толщина льда находятся въ прямой зависимости отъ степени суровости зимы.

Многу взята зима 1881—1882-го годовъ, которая сопровождалась большими холодами во всемъ Туркестанѣ.

Все сказанное о свойствахъ Аму-Дарьи заставляетъ прийти къ заключенію, что хотя рѣка эта болѣе удобна для плаванія, чѣмъ Сыръ-Дарья, но все-таки представляетъ много невыгодъ. Она не можетъ быть эксплуатируема въ теченіе цѣлаго года и хотя судоходна почти до верховьевъ, но необходимо основательное знакомство съ фарватеромъ и вообще съ ея свойствами. Быстрота теченія очень затрудняетъ движеніе вверхъ тяжело нагруженныхъ не паровыхъ судовъ и барокъ, а тянуть ихъ бичевою весьма затруднительно вслѣдствіе мелей, образующихся у береговъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по этимъ отмелямъ очень опасно ходить, хотя это и незамѣтно по наружному ихъ виду. Онѣ не могутъ вынести тяжести человѣка, который погружается въ нихъ постепенно до самаго пояса и даже можетъ быть совершенно поглощенъ. Не зная свойствъ аму-дарьинскихъ отмелей и обманутый внѣшнимъ видомъ, я разъ пошелъ по отмели и скоро мои ноги стали погружаться все глубже и глубже; я не могъ наконецъ ихъ передвинуть и чувствовалъ, что меня тянетъ внизъ. Если-бы мнѣ не была подана скорая помощь, то эта экскурсія могла-бы кончиться очень печально. Что-же касается до остановки судовъ у береговъ, то въ этомъ отношеніи затрудненій быть не можетъ, потому что они почти вездѣ плоскіе и низменные. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по правому берегу, встрѣчаются обрывы, да и то настолько невысокіе, что не мѣшаютъ причаливать. Плаваніе наше начиналось съ восходомъ солнца и оканчивалось на закатѣ. Мы обыкновенно приставали къ правому, бухарскому берегу, хотя-бы, во времени остановки, каюкъ и находился у лѣваго. Это происходило не вслѣдствіе случайности: лодочники все-таки были не вполне спокойны относительно турменъ и предпочитали находиться подъ защитою рѣки. Впрочемъ, если-бы разбойники явились въ значительномъ числѣ и рѣшили произвести нападеніе, то едва-ли-бы рѣка задержала ихъ. Они отличные наѣзники и перейти вплавь Аму-Дарью для нихъ ничего не стоитъ, особенно во время мелководья. Первые дни и мы были не вполне спокойны, такъ что я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы люди наши дежурили ночью поочередно. По мѣрѣ движенія къ сѣверу, къ русскимъ владѣніямъ и Хивинскому ханству, опасность, а равно и наша бдительность постепенно уменьшались. Отъ урочища Ичке-Яръ, гдѣ русская граница упирается въ Аму-Дарью, опасность совершенно исчезаетъ.

Первый ночлегъ мы провели на берегу, но онъ намъ очень не понравился, и мы предпочли на будущее время нашу каюту безъ крыши

между капами съ табакомъ. Тѣмъ не менѣе, ночлеги были не особенно пріятны. Деньгъ, не смотря на позднее время года ⁽¹⁾, было настолько жарко, что мы сидѣли въ разстегнутыхъ курткахъ, иногда даже солнце пекло, а ночью было такъ холодно, что приходилось надѣвать тулупъ. Сырость стояла надъ водою въ видѣ густаго тумана; на зарѣ-же былъ настоящій морозъ. Топлива по берегамъ встрѣчалось немного, да и то очень плохого качества. Попадался и крупный саксаулъ, только весьма рѣдко. Во время плаванія по Аму-Дарьѣ необходимо запастись топливомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его можно найти. Мы часто причаливали къ берегу среди дня для этой цѣли. Опытные лодочники знали, что безъ такой предосторожности они рисковали мерзнуть всю ночь.

Только одинъ разъ каюкъ остановился на ночлегъ у лѣваго берега, близъ урочища Кабаклы. Тѣнистый лѣсъ на берегу соблазнилъ насъ: мы приказали раскрыть наши желѣзныя кровати подъ деревьями, завѣсились отъ вѣтра кошмами и отлично выспались. Этотъ отдыхъ былъ особенно пріятенъ послѣ нѣсколькихъ ночей, проведенныхъ на вапахъ съ табакомъ, неровныхъ и твердыхъ какъ камень. Вечеромъ къ намъ явился посланный изъ Кабаклы, который привезъ дынь и хлѣбныхъ лепешекъ и просилъ пожаловать на слѣдующее утро въ гости къ беку.

Укрѣпленіе и поселеніе Кабаклы находятся въ одной трети разстоянія отъ Ильджика до русской границы, близъ урочища Ичке-Яръ. Это единственное населенное мѣсто до города Питняка, самаго южнаго пункта Хивинскаго оазиса. Отсюда идутъ вьючныя пути черезъ песчаныя степи на Мервъ. Пути эти почти не изслѣдованы и очень рѣдко эксплуатируются. Я слышалъ, что они очень плохи, потому что на нихъ рѣдко можно найти воду и топливо. Впрочемъ, за достовѣрность слышаннаго не ручаюсь; туркмены ходятъ по нимъ и въ прежнее время часто производили нападенія на Кабаклы съ цѣлью грабежа. Теперь открытыя нападенія прекратились, но воровство продолжается. Намъ рассказывали, что наканунѣ нашего пріѣзда шайка туркменъ увела нѣсколько верблюдовъ и стадо барановъ. Кажется, однако, ихъ успѣли отбить.

Укрѣпленіе и мѣстопробываніе бека находится въ четырехъ верстахъ отъ берега, и мы отправились туда на слѣдующее утро верхами. Почти вся дорога проходитъ довольно крупнымъ и густымъ лѣсомъ. За версту отъ Кабаклы лѣсъ кончается и начинаются поля, мѣстами

(1) Въ 20-хъ числахъ октября.

обработанныя. Самая крѣпость построена на ровной мѣстности и представляетъ совершенное подобіе другихъ бухарскихъ крѣпостей; кромѣ высокой зубчатой стѣны, нѣтъ никакихъ укрѣпленій. Постройки находятся внутри крѣпости, но есть также и снаружи.

Бекъ принялъ насъ въ очень бѣдной сакаѣ (¹). Ковровъ, подушекъ и одѣялъ было весьма немного, а дастарханъ самый умѣренный. Зато самъ ховаянъ явился замѣчательнымъ типомъ. Это высокій, толстый и повидимому очень сильный старикъ, лѣтъ 70-ти, съ сѣдою, почти бѣлою бородою, до самаго пояса. Черты лица его крупныя, выраженіе большихъ глазъ съ нависшими бровями свирѣпое, а приемы и движенія очень рѣзкіе. Говоря правду, онъ представляетъ настоящій типъ атамана разбойниковъ, какими ихъ всегда изображаютъ; такъ и кажется, что видишь передъ собою какого-нибудь хищнаго феодала среднихъ вѣковъ. Этотъ мощный богатырь рассказывалъ намъ, что онъ всю жизнь свою провелъ въ Кабаклы среди бранныхъ тревогъ и военныхъ экспедицій. Въ то время, когда онъ былъ молодъ, туркмены появлялись часто большими шайками и грабили по обоимъ берегамъ Аму-Дарьи, такъ что онъ не помнитъ, въ сколькихъ сраженіяхъ и стычкахъ ему приходилось принимать участіе. Онъ слышалъ о походѣ русскихъ въ Ахаль-текинскій оазисъ и полагаетъ, что теперь грабежи совсѣмъ прекратятся. Хотя тревоги и случаются, но разбойники ограничиваются воровствомъ. Повидимому умиротвореніе края не особенно нравится воинственному беку, отчасти потому, что онъ привыкъ вести боевую жизнь, а отчасти, можетъ быть, и потому, что онъ пользовался матеріальными выгодами, получая хорошую военную добычу. Туркменскія лошади, отличающіяся силою и выносливостью, составляли, вѣроятно, главный предметъ добычи и онъ выгодно сбывалъ ихъ. Посидѣвъ и побесѣдовавъ со старымъ воиномъ около полудня, мы возвратились на берегъ и скоро отправились дальше.

Наше плаваніе продолжалось благополучно въ томъ-же порядкѣ, какъ и въ первые дни. По дорогѣ попадались иногда развалины поселеній, но людей совсѣмъ не встрѣчалось. На шестой день мы достигли урочища Учъ-Учакъ (²). Здѣсь довольно высокіе холмы подходятъ къ самому берегу Аму-Дарьи. На крайнемъ холмѣ находятся три вершинки, расположенныя въ видѣ треугольника; отъ этихъ вершинъ мѣсто получило названіе.

На седьмой день на лѣвомъ берегу начала показываться расти-

(¹) Такъ называются глиняныя жилия постройки туземцевъ Средней Азіи.

(²) Учъ-учакъ значитъ три печки.

тельность,—мы достигли Хивинскаго оазиса. Скоро показался городъ Питнякъ. Самый городъ находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега; по окрестностямъ его разбѣяны савли, юрты и деревья среди обработанныхъ полей.

На слѣдующій вечеръ, довольно поздно, когда уже стемнѣло, мы причалили къ правому берегу и лодочники объявили, что путешествіе кончено. Однако, сколько мы ни смотрѣли, ничего не было видно, кромѣ пустыни. Оказалось, что Петроалександровскъ находится въ восьми верстахъ отъ берега. Мы не знали, какъ туда добраться. Еще наканунѣ я приказалъ высадить нашихъ коней на берегъ и отправилъ ихъ сухимъ путемъ въ городъ, потому что течь въ каюкѣ очень усилилась и оставлять на немъ лошадей было опасно. Такимъ образомъ мы остались безъ средствъ переѣзда.

Мнѣ до такой степени надоѣли ночлеги подъ открытымъ небомъ, на твердыхъ капахъ, что, не смотря на предложеніе лодочниковъ переночевать на каюкѣ, я рѣшилъ хоть пѣшкомъ идти въ городъ, гдѣ у меня былъ знакомый, командиръ 13-го линейнаго баталіона, полковникъ Краббе. Отправляя наканунѣ лошадей, я послалъ ему письмо, съ просьбою найти намъ пріютъ. Вполнѣ разсчитывая на его любезность, я не могъ допустить мысли еще цѣлую ночь мерзнуть на рѣкѣ, когда меня ожидала теплая и удобная комната.

Наконецъ, одинъ изъ каючниковъ сжалился надъ нашимъ положеніемъ, пошелъ въ знакомый ему кишлакъ, находящійся недалеко отъ берега, и нанялъ маленькую арбу, на которую положили самыя нужныя для ночлега вещи, устѣлись кое-какъ сами и отправились шагомъ въ путь. Послѣ очень непріятнаго переѣзда въ темнотѣ и по плохой дорогѣ, мы добрались до Петроалександровска. Полковникъ Краббе встрѣтилъ насъ въ высшей степени любезно и указалъ нанятую имъ для насъ учень удобную квартиру.

III.

Петроалександровскъ. — Укрѣпленія. — Городъ. — Лагерь. — Окрестности. — Климатъ. — Общество въ Петроалександровскѣ и характеръ жизни. — Снаряженіе въ экспедицію. — Конвой. — Юламейки. — Продовольствіе. — Теплая одежда. — Отъѣздъ изъ Петроалександровска. — Каюта. — Плаваніе до Нукуса.

Петроалександровскъ, называемый до сей поры укрѣпленіемъ, хотя и можетъ уже быть причисленъ къ числу городовъ ⁽¹⁾, представляетъ главный населенный пунктъ Аму-Дарьинскаго отдѣла. Здѣсь сосредото-

(1) Сравнительно съ городами Туркестана, но не Европейской Россіи.
Т. СЛХХVIII.—Отд. I.

точно административное управленіе краемъ и расположены почти всѣ войска, находящіяся въ отдѣлѣ. Кромѣ Петроалександровска, пунктами административнаго управленія на Аму-Дарьѣ являются только Нукусъ и Чимбай. Остальные поселенія по правому берегу рѣки, принадлежащему Россіи, и въ дельтѣ населены туземцами—киргизами, каракалпаками и хивинцами, которые почти всѣ живутъ осѣдло. Кочеваго населенія немного, а если нѣкоторые жители и перекочевываютъ, то весьма рѣдко.

Петроалександровскъ раздѣляется на двѣ главныя части: укрѣпленіе и возникшая около него слобода или городъ. Кромѣ того, къ нему можно причислить находящійся въ восьми верстахъ отъ укрѣпленія постоянный лагерь, гдѣ квартируетъ въ теченіе цѣлаго года казачій полкъ, и Шурахане, центръ мѣстнаго населенія. Укрѣпленіе состоитъ изъ высокой глинобитной стѣны, имѣющей форму большаго четырехугольнаго редута, съ небольшимъ рвомъ впереди. Посреди каждаго фаса находятся ворота. На двухъ противоположныхъ углахъ сдѣланы круглые выступы для пушечной фланговой обороны фасовъ. Передовыхъ пристроекъ нѣтъ никакихъ и даже ворота ничѣмъ не прикрыты. Подобное укрѣпленіе можетъ имѣть значеніе только противъ кочующихъ племенъ или для отраженія нечаяннаго нападенія, но оно совершенно неспособно выдержать осаду не только европейскихъ войскъ, но даже и азіатскихъ, если только у нихъ есть пушки, потому что пробить брешь въ стѣнѣ весьма легко. Въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій въ этой странѣ, будетъ совершенно необходимо усилить крѣпость наружными пристройками, особенно для прикрытія воротъ. Внутри укрѣпленія находится домъ начальника отдѣла, нѣсколько другихъ зданій, очень маленькая, невзрачная на видъ, церковь и казармы, въ которыхъ помѣщается часть расположенныхъ въ Петроалександровскѣ войскъ. Нѣкоторые изъ этихъ казармъ представляютъ длинную землянку, продольныя стѣны которой образуются двускатной крышей, покрытой слоемъ поросшей травой земли, а поперечныя—глиняныя. Спускаться въ казарму нужно по ступенькамъ, а снаружи она имѣетъ видъ длиннаго, большаго переноснаго шатра (*tente-abri*)—лѣтомъ зеленаго, а зимою сѣраго цвѣта. Нечего и говорить, что эти землянки весьма неудобны для постоянного жительства, особенно зимою, какъ относительно помѣщенія, такъ и гигиеническихъ требованій. Въ нихъ мало воздуха и постоянная сырость. Въ настоящее время онѣ постепенно замѣняются хорошими надземными казарменными постройками, но работы еще не совсѣмъ кончены и часть людей помѣщается въ походныхъ землянкахъ. Внутри крѣпости посажено много пирамидальныхъ тополей

правильными рядами, а передъ домою начальника отдѣла вырытъ небольшой прудъ, такъ что образуется нѣчто въ родѣ парка съ дорожками. Наконецъ, тутъ-же находятся крѣпостныя хозяйственныя заведенія, гауптвахта и штабъ 13-го линейнаго баталіона.

Городокъ, возникающій внѣ укрѣпленія, строится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣнъ, оставляя небольшую эспланаду, а передъ воротами обширныя площади. Одна изъ этихъ площадей, на которую выходятъ лавки и купеческіе дома, имѣетъ форму совершенно правильнаго четырехугольника. Лавки хорошо снабжены товарами и въ нихъ можно достать не только предметы необходимости, но даже роскоши, по цѣнамъ, сравнительно, дешевле туркестанскихъ. Причина этому заключается въ томъ, что товары какъ въ Ташкентѣ, такъ и въ Петроалександровскѣ отправляются изъ одного пункта, изъ Оренбурга, караваннымъ порядкомъ на верблюдахъ, причемъ путь до Аму-Дарьи прямо, черезъ Казалинскъ, гораздо короче, чѣмъ путь черезъ Тургай до Ташкента, и, слѣдовательно, стоимость провоза меньше. Если товары и бывають здѣсь подчасъ очень дороги, то это происходитъ вслѣдствіе недостатка конкуренціи: при маломъ населеніи Аму-Дарьинскаго отдѣла, спросъ не великъ, почему и лицъ, желающихъ заниматься здѣсь торговлею, очень мало. Одна изъ главныхъ причинъ дороговизны получаемыхъ изъ Россіи товаровъ, не только въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, но и во всемъ Туркестанѣ, заключается въ необезпеченности сбыта; много привезенныхъ предметовъ очень долго лежать и представляютъ мертвый капиталъ. Для того, чтобы окупить залежавшіеся предметы и не торговать въ убытокъ, купцы поневолѣ должны набавлять цѣну на тѣ, которые удается продать.

Что касается до красоты построекъ въ Петроалександровскѣ, то, кромѣ нѣсколькихъ домовъ, отличающихся благообразнымъ видомъ и удобствомъ внутри, большинство представляетъ маленькіе, невзрачныя глиняныя домишки, вѣрнѣе хижины, съ земляными крышами и микроскопическими окнами. Даже офицеры и другія лица интеллигентнаго общества, не имѣющіе своихъ собственныхъ домовъ, принуждены жить въ этихъ жалкихъ лачужкахъ съ маленькими, полутемными каморками вмѣсто комнатъ и безъ всякихъ удобствъ. Теплый климатъ помогаетъ переносить эту печальную обстановку, но все-таки, если зима суровая, приходится порядочно терпѣть отъ холода и особенно отъ сырости. Дрова же въ Петроалександровскѣ очень дороги, вслѣдствіе совершеннаго недостатка лѣсовъ. Въ одномъ изъ казарменныхъ зданій устроено офицерское собраніе, хотя достаточное по размѣрамъ для петроалександровскаго общества, но съ весьма бѣдною обстановкою. Въ домѣ собранія

отведены особыя комнаты для проѣзжающихъ, такъ какъ въ настоящее время они не имѣютъ никакого пріюта, и человекъ, не имѣющій здѣсь знакомыхъ, бываетъ поставленъ въ трудное положеніе по прибытіи, такъ какъ не знаетъ, гдѣ ему преклонить голову. Пріѣзжающіе получаютъ право жить въ домѣ собранія трое сутокъ, въ теченіе которыхъ могутъ пріискать себѣ квартиру, что, впрочемъ, не всегда бываетъ легко, особенно если нужно меблировать помѣщеніе. Вообще мебель имѣть здѣсь очень трудно и слѣдуетъ ограничиваться предметами самой насущной необходимости.

Квартиру съ садомъ совсѣмъ нельзя имѣть, потому что садовъ въ городѣ нѣтъ вовсе. Въ 16-ти верстахъ, около бывшаго загороднаго дома хивинскаго хана, есть большой садъ Шарапхане съ посаженными правильными рядами деревьями въ видѣ алей, но въ настоящее время садъ этотъ въ полномъ запустѣніи.

Улицы въ Петроалександровскѣ широкія, но только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обсажены рядами пирамидальныхъ тополей, какъ въ Туркестанѣ. Въ городѣ есть рядъ лавокъ, небольшой базаръ для покупокъ съѣстныхъ припасовъ и различныхъ предметовъ необходимости для простонародья, но большинство нижнихъ чиновъ и другихъ жителей ходятъ въ Шурахане, гдѣ бываетъ, въ опредѣленные дни, большой, весьма оживленный, базаръ мѣстнаго населенія. Шурахане находится въ четырехъ верстахъ отъ Петроалександровска и составляетъ туземный городъ; здѣсь былъ дворецъ хивинскаго хана. Особенно замѣчательнаго въ этомъ поселеніи нѣтъ ничего: такія же узкія, кривыя улицы, базарныя лавочки и саки, какъ и въ другихъ туземныхъ городахъ. Въ базарные дни сюда стекается населеніе окрестныхъ кишлаковъ и толчется цѣлый день на площади густою толпой.

Въ восьми верстахъ отъ Петроалександровска находится лагерь. Онъ расположенъ тыломъ къ одному изъ рукавовъ Аму-Дарьи ('). Въ лагерь построены хорошіе, прочные бараки, а такъ какъ казачій полкъ стоитъ здѣсь всю зиму, то вблизи возникла слободка, въ которой живутъ офицеры съ семействами и нѣсколько частныхъ лицъ. Такимъ образомъ, лагерь является какъ бы отдѣльнымъ городкомъ, очень оживленнымъ въ лѣтнее время. Хотя мѣсто для лагеря выбрано удачно въ смыслѣ помѣщенія и хозяйственныхъ условій, но представляетъ двѣ большія невыгоды. Съ одной стороны, переносные пески, приближающіеся къ Петроалександровску, находятся въ настоящее время уже недалеко отъ лагеря. Лѣтомъ тамъ жить неудобно, потому что при

(') Акъ-Джаръ. Въ 1884 году, отъ разлитія Акъ-Джара лагерь совершенно разрушенъ.

сильномъ вѣтрѣ поднимается песокъ, оказывающій вредное вліяніе на зрѣніе людей. Съ другой, рѣка, протекающая весьма близко за лагерьмъ, подвержена разливамъ и грозитъ разрушеніемъ лагернымъ постройкамъ. Скоро придетъ время, когда жизнь въ лагерь сдѣлается совершенно невозможною и его придется перенести въ другое мѣсто.

Самая территорія Аму-Дарьинскаго отдѣла, кромѣ песчаныхъ степей и пустыни, представляетъ дельту Аму-Дарьи и узкую полосу по правому ея берегу. Эта полоса мѣстами обработана и довольно густо населена. Главная масса населенія группируется между Петроалександровскомъ и Нукусомъ ⁽¹⁾, а отчасти въ дельтѣ около города Чимбая. Окрестности Петроалександровска состоятъ изъ обработанныхъ, изрѣзанныхъ арыками полей, по которымъ разбросаны туземныя строенія. Здѣсь жители не группируются въ тѣсныхъ вишлавахъ съ узкими улицами, какъ въ Туркестанѣ, а живутъ, такъ сказать, отдѣльными дворами, въ разстояніи 100 — 300 шаговъ одинъ отъ другаго. Каждый дворъ представляетъ высокую, глинобитную стѣну, въ видѣ четырехугольника, съ одними воротами. Такимъ образомъ, разграничить между собою различныя селенія очень трудно. Кажется, что ѣдешь все по одному, а между тѣмъ уже проѣхалъ два или три. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ базары, саки расположены тѣснѣе; это-то мѣсто, собственно говоря, и составляетъ городъ, названіе котораго внесено на карту. Весьма вѣроятно, что обычай окружать мѣсто своего жительства высокою стѣною, замѣчаемый у всѣхъ осѣдлыхъ жителей Хивинскаго оазиса, произошелъ отъ опасенія частыхъ грабежей и разбойничества, весьма распространенныхъ въ здѣшнемъ краю въ прежнія времена. Даже и въ настоящее время они случаются, хотя очень рѣдко и въ незначительныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе чего мѣстная администрація вынуждена держать казачій постъ на одной изъ промежуточныхъ станцій между Петроалександровскомъ и Нукусомъ.

Климатъ здѣшній, довольно благопріятный для произрастеній, не отличается особенными качествами для человѣка. Лѣто очень жаркое, знойное и сухое; днемъ жара бываетъ просто нестерпима и нельзя найти мѣста, куда бы отъ нея укрыться, потому что, вслѣдствіе недостатка деревьевъ, тѣни очень мало. Кромѣ того, множество больно кусающихся комаровъ преслѣдуютъ и не даютъ покоя.

Зимою въ Петроалександровскѣ морозы бываютъ рѣдко, снѣга мало,

(1) Отъ Петроалександровска до Нукуса 179 верстъ. Это укрѣпленіе находится на правомъ берегу Аму-Дарьи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она раздѣляется на рукава и образуютъ дельту. Противъ него, на лѣвомъ берегу, находится хивинскій городъ Ходжейли.

а если онъ и выпадетъ, то держится короткое время. Санный путь въ городѣ стоитъ два-три дня, да и то не каждую зиму. За то, если нѣтъ морозовъ, то бываетъ постоянная сырость, часто сырой, пронизывающій насквозь вѣтеръ, который хуже мороза дѣйствуетъ на человѣка; иногда же свирѣпствуютъ сильные бураны. Самымъ пріятнымъ временемъ здѣсь слѣдуетъ признать весну и осень, когда вѣтры стихаютъ, сырость уменьшается, а лѣтніе жары еще не наступили.

Вслѣдствіе описанныхъ климатическихъ условій на Аму-Дарьѣ сильно свирѣпствуетъ лихорадка, въ высшей степени упорная. Кто разъ захворалъ ею, тому трудно отъ нея отдѣлаться. Въ лѣтніе мѣсяцы, подъ вліяніемъ сильныхъ жаровъ и песчаной пыли, здѣсь развиваются также глазныя болѣзни.

Петроалександровскъ—какъ бы отрѣзанный уголокъ земли, оазисъ въ громадной пустынѣ. Онъ отдѣленъ отъ европейской Россіи и отъ Туркестана обширными степями, весьма неудобными для сообщенія. Не смотря на то, что Аму-Дарьинскій отдѣлъ присоединенъ еще въ 1873 году и тамъ содержатся значительныя военныя силы, до сихъ поръ еще не устроенъ почтовый трактъ, хотя разстояніе до Казалинска не очень большое, всего 495 верстъ. Причина этому заключается въ трудности и дороговизнѣ содержанія тракта въ песчаной, безводной степи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторую часть ея невозможно проѣхать на лошадахъ и необходимы верблюды ⁽¹⁾. Кромѣ того, и выгоды особенныя содержаніе тракта доставить не можетъ: при незначительности русскаго населенія отдѣла, движеніе будетъ только самое ограниченное. Такимъ образомъ и отъ Казалинска, и отъ Ташкента трудно добраться до Петроалександровска,—путешествіе выходитъ очень продолжительное и неудобное. Болѣе всего эксплуатируется путь черезъ Казалинскъ, на которомъ существуютъ, какъ говорятъ, нѣкоторыя приспособленія для проѣзжающихъ; можно найти на остановкахъ воду, топливо и пріютъ отъ непогоды, а главное—по этому пути возможно проѣхать хотя на верблюдахъ, но въ экипажѣ. Въ послѣднее время начали также ѣздить черезъ Перовскъ. Этотъ путь нѣсколько короче Казалинскаго, тоже «приблизительно» колесный. Что же касается до южныхъ путей, отъ Жизака, до сей поры мало посѣщавшихся, то на нихъ не всегда можно найти даже предметы первой необходимости, а крытыхъ помѣщеній для остановокъ почти нигдѣ нѣтъ. Въ настоящее время даже почта, отправляемая въ Петроалександровскъ черезъ Казалинскъ, приходитъ всего разъ въ недѣлю и очень неаккуратно, такъ что, на-

(1) Около 300 верстъ.

примѣръ, газеты и журналы получаются нѣсколькими днями позже, чѣмъ въ Ташкентѣ, не смотря на то, что Ташкентъ вдвое дальше отъ Кавалинска, чѣмъ Петроалександровскъ.

Громадный переворотъ произойдетъ въ положеніи Аму-Дарьинскаго отдѣла, если удастся соединить его прямымъ путемъ черезъ Усть-Уртъ съ Каспійскимъ моремъ. Тогда этотъ, въ настоящее время совершенно изолированный, уголокъ земли будетъ въ прекрасномъ сравнительно положеніи относительно сообщеній: отъ Царицина до Кунграда, даже медленнымъ движеніемъ, можно будетъ достигнуть въ восемь дней, слѣдовательно отъ Петербурга—въ 12. Нечего и говорить о томъ, какое благопріятное вліяніе на развитіе края окажетъ подобная быстрота и удобство сообщенія.

Вслѣдствіе своего замкнутаго положенія, общество Петроалександровское живетъ, такъ сказать, внутреннею жизнью и живетъ согласно. Здѣсь стоятъ два пѣхотныхъ баталіона, казачій полкъ и батарея, кромѣ того сосредоточивается административное управленіе краемъ и живутъ нѣсколько лицъ изъ купечества, такъ что общество не маленькое.

До сего времени я ѣхалъ налегкѣ и еще не зналъ обстоятельно, какимъ образомъ организуется моя поѣздка въ степь Усть-Урта. Въ Петроалександровскѣ же, на мѣстѣ, при извѣстныхъ свойствахъ края и предстоящаго пути ⁽¹⁾, необходимо было рѣшить всѣ подробности и, такъ сказать, снарядиться въ экспедицію. Прежде всего слѣдовало рѣшить вопросъ относительно конвоя. Въ Ташкентѣ предполагалось, что я возьму съ собою 20 или по крайней мѣрѣ 15 казаковъ. Но такъ какъ я убѣдился, что опасности никакой нѣтъ, то и рѣшилъ ограничиться такимъ числомъ людей, какое необходимо для производства работъ, т. е. шестью человѣками; да и эти шесть человѣкъ взялъ не казаковъ, а пѣхотинцевъ. Казакамъ неудобно тащить цѣпь при измѣреніи, — ихъ стѣсняють лошади, которыя, кромѣ того, невыгодны еще и въ томъ отношеніи, что требуютъ большаго количества перевозочныхъ средствъ, потому что необходимо тащить за собою фуражъ на все время поѣздки. Предстояло пройти страну почти неизвѣстную, гдѣ и лѣтомъ то Богъ вѣсть можно ли было имѣть подножный кормъ, а ужъ зимою навѣрное ничего нельзя было найти. Гораздо проще и легче было нанять двухъ верблюдовъ для перевозки че-

(1) Хотя и здѣсь дорога отъ Кунграда до бухты Яманъ-Айракты была настолько мало извѣстна, что предполагалась пролегающею по глубокимъ пескамъ, а въ составленномъ по распроснымъ свѣдѣніямъ маршрутъ протяженіе ея было показано въ 685 верстъ.

тырехъ человекъ⁽¹⁾, чѣмъ забирать ихъ съ собою гораздо больше подѣ фуражемъ. Въ числѣ взятыхъ мною шести солдатъ были два татарина, хорошо знавшіе мѣстный языкъ; такимъ образомъ я могъ обойтись безъ переводчиковъ изъ туземцевъ, которые, кромѣ того, что бываютъ часто очень безтолковы, но и не всегда благонадежны.

Небольшое число взятыхъ для съемочныхъ работъ людей дало возможность взять съ собою самое ограниченное число помѣщеній для ночлеговъ. Невозможно было ночевать подѣ открытымъ небомъ на морозѣ и безъ защиты отъ бурановъ, которые, какъ мнѣ говорили, бываютъ весьма часты и сильны на Усть-Уртѣ. Палатки представляютъ слишкомъ слабое закрытіе и годны только въ теплое время года: слѣдовало взять или юрты, или юламейки. Юрта гораздо просторнѣе и удобнѣе юламейки, но требуетъ значительныхъ перевозочныхъ средствъ. Она перевозится на одномъ, а иногда на двухъ верблюдахъ, и нужно продолжительное время для разстановки ея. Юламейка меньше, не такъ удобна, но за то легко и быстро разставляется. Эта степная, переносная хижина состоитъ изъ двухъ частей: нижней—цилиндрической и верхней—конусообразной. Для разстановки юламейки прежде всего ставится рѣшетчатый, круглый переплетъ, три-четыре шага въ діаметрѣ и до двухъ аршинъ высоты; для входа оставляется промежутокъ. Рѣшетка обертывается кругомъ большимъ кускомъ кошмы. Затѣмъ, къ переплету основанія привѣшивается верхъ, состоящій изъ палокъ, соединенныхъ вмѣстѣ на одномъ концѣ и прикрѣпленныхъ къ рѣшеткѣ вѣерообразно кругомъ, такъ что получается коническая крыша, тоже обертываемая кошмою, выкроенною специально для этой цѣли, такъ что одна пола запахивается на другую. Наконецъ верхній, острый конецъ загибается—и юламейка готова. Казалось бы, что въ подобномъ помѣщеніи днемъ должно быть темно, потому что оконъ нѣтъ, а для того, чтобы войти, нужно приподнять полу нижней кошмы и пролѣзть нагнувшись, но на самомъ дѣлѣ кошмы никогда не прилегаютъ плотно, щелей и дыръ всегда достаточно, такъ что свѣта вполне довольно. При такомъ незамысловатомъ устройствѣ, постановка юламейки не требуетъ никакихъ сложныхъ пріемовъ и можетъ быть произведена очень быстро—въ 10—15 минутъ. Для перевозки двухъ юламейекъ вполне достаточно одного верблюда. Я взялъ всего три юламейки: одну для насъ, другую побольше—для шести нижнихъ чиновъ, двухъ деньщиковъ, и третью, маленькую, запасную. Мнѣ посоветовали

(1) На верблюдѣ обыкновенно перевозятся два человека. Двое же изъ моихъ людей должны были посмѣнно тянуть цѣпь.

еще лучше приспособить эти незатѣйливыя жилища для зимняго похода устройствомъ въ нихъ желѣзныхъ печей. Я заказалъ двѣ маленькія печи изъ листоваго желѣза на желѣзныхъ же ножкахъ. Въ верхней же стѣнкѣ печи находилось отверстіе, въ которое вставлялась труба съ однимъ коѣномъ. Печь ставилась въ юламоукѣ такимъ образомъ, чтобы горизонтальное коѣно трубы выходило наружу въ щель между верхнею и нижнею кошмами или въ нарочно вырѣзанное для него круглое отверстіе. Печи были сдѣланы довольно красиво, но, къ сожалѣнію, не прочно и не вполне выполнили свое назначеніе.

Относительно продовольствія мы не очень хлопотали въ Петроалександровскѣ, потому что намъ предстояло по дорогѣ проѣхать еще два населенныхъ пункта: Нукусъ и Кунградъ. Людямъ нашимъ былъ выданъ провіантъ въ видѣ сухарей и крупы на два мѣсяца и, кромѣ того, они получили по 20 коп. суточныхъ денегъ для довольствія горячею пищею, чего, замѣчу мимоходомъ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они находились во время похода, при маломъ ихъ числѣ, было слишкомъ недостаточно.

Патроновъ я приказалъ брать съ собою немного, потому что былъ увѣренъ, что никакой опасности не предстоитъ. Дѣйствительно, во время всей экспедиціи не пришлось даже ни разу вынимать винтовки изъ чехловъ.

Всего бѣднѣе мы были снабжены аптекарскими матеріалами, которые состояли всего изъ нѣсколькихъ порошковъ хины, пачки готовыхъ горчичниковъ и лекарства отъ зубной боли. Ни врача, ни фельдшера съ нами вовсе не было. Впрочемъ, мы были настолько счастливы, что обошлись безъ леченія. Замѣчательно, что во все время путешествія, не смотря на суровое время года и тягость похода, никто изъ насъ ни разу не былъ болѣнъ, такъ что я привезъ всѣ медикаменты обратно въ совершенной цѣлости.

Послѣдній отдѣлъ нашего снаряженія составляла теплая одежда. Мы запаслись полушубками, ваденками и высокими бараньими шапками, какія носятъ мѣстные жители Хивинскаго ханства и турмены. Не малую пользу принесли также взятыя нами, такъ называемыя туркменскія бурки, сдѣланныя изъ одного куска плотной кошмы темнаго цвѣта. Отъ вѣтра онѣ защищаютъ только въ томъ случаѣ, если онъ дуетъ въ спину; если же вѣтеръ встрѣчный, то полы бурки постоянно распахиваются и она доставляетъ больше возни, чѣмъ защиты. Впослѣдствіи мы очень сожалѣли, что не сдѣлали себѣ деревянныхъ стремянъ, весьма практичныхъ для зимняго похода; металлическое стремя сильно охлаждается и нога въ немъ скоро начинаетъ мерзнуть. Люди наши

получили тулупы и особенные, такъ называемые, жандармскіе сапоги. Эти сапоги сдѣланы изъ желтой кожи и подложены кошмой. Но если они хороши для домашняго употребленія, для часовыхъ во время болшихъ холодовъ и т. п., то для продолжительнаго похода не годятся, скоро рвутся, разлѣзаются и приходятъ въ совершенную негодность.

Имѣя въ виду производить измѣренія какъ можно точнѣе, я, кромѣ цѣпи, имѣлъ при себѣ металлическій одометръ ⁽¹⁾, а сверхъ того взялъ съ собою изъ Петроалександровска маленькую, двухколесную телѣжку, въ родѣ одноколки, безъ верха. Къ одному изъ колесъ телѣжки былъ приспособленъ одометръ довольно простаго устройства. Но онъ оказался непрактичнымъ, невѣрно измѣрялъ разстоянія и мы скоро перестали употреблять его въ дѣло. Однако же взятая телѣжка, запряженная верблюдомъ, оказалась весьма полезною для перевозки разныхъ вещей и могла служить для заболѣвающихъ, которыхъ, къ счастью, не было.

Всѣ эти приготовленія потребовали нѣкотораго времени, и только черезъ 12 дней по прибытіи въ Петроалександровскъ мы были вполнѣ готовы отправиться въ путь.

До Нукуса можно проѣхать сухимъ путемъ по берегу Аму-Дарьи или водою. Хотя въ это время было очень мало воды въ рѣкѣ, плаванье было медленное и затруднительное, но все-таки не медленнѣе сухопутнаго похода съ верблюдами. На этотъ разъ мы наняли цѣлый маленький каюкъ и помѣстились на немъ съ людьми и вещами; четырехъ-же нашихъ лошадей я отправилъ сухимъ путемъ. Для того, чтобы доставить себѣ хоть нѣсколько болѣе удобствъ въ пути и предохраниться отъ ночныхъ холодовъ, которые дѣлались уже весьма чувствительными, мы устроили посреди каюка маленькую каюту изъ стоекъ съ перекладинами, обернутыхъ кошмою. Каютка эта была такъ мала, что въ ней можно было лежать только двумъ человѣкамъ или сидѣть согнувшись, но все-таки она представляла нѣкоторое закрытіе, особенно для ночлеговъ. Высокихъ каютъ на каюкахъ устраивать нельзя, особенно плавая въ низовьяхъ Аму-Дарьи. Вѣтеръ большею частью дуетъ съ Аральскаго моря, слѣдовательно встрѣчный, и, не смотря на быстрое теченіе, каюкъ подвигается на веслахъ очень медленно; высокая-же постройка на немъ еще болѣе замедляетъ движеніе и увеличиваетъ и безъ того не легкій трудъ гребцовъ.

Каюкъ ожидалъ насъ въ рукавѣ Аму-Дарьи, за лагеремъ. Позав-

(1) Одометръ—инструментъ, служащій для измѣренія разстояній. Онъ прикрѣпляется къ колесу повозки и пройденный путь опредѣляется числомъ оборотовъ колеса. Впрочемъ, подобный способъ измѣренія весьма приблизительный.

трава у командира казачьяго полка, полковника Ковалевского, мы забрались въ нашу лодку. Любезный хозяинъ съ сунругой проводили насъ до берега, присутствовали при отплытіи и пожелали счастливаго пути. Дѣйствительно, дорога предстояла дальняя, неизвѣстная, и нельзя сказать, чтобы время было благоприятное,—холода все усиливались и мы часто подумывали о томъ, что насъ ожидаетъ на возвышенностяхъ Усть-Урта, гдѣ, безъ сомнѣнія, зима должна была быть много суровѣе, чѣмъ на берегахъ Аму-Дарьи.

Переѣздъ былъ-бы довольно удобенъ, если-бы на второй день плаванія не появились у насъ очень непріятные враги—мыши. Не знаю, какимъ образомъ онѣ завелись на каюкѣ, но только всю дорогу не давали намъ покоя, бѣгали по стойкамъ, по перекладинамъ, по боимъ нашей каюты и даже, наконецъ, по одѣяламъ, которыми мы покрывались. Ловить ихъ между сложенными въ кучи вещами было очень трудно, да и не стоило: ихъ, какъ кажется, была на каюкѣ цѣлая армія. Мы старались закутываться съ головой, чтобы избѣжать этой опасности. Иногда мой спутникъ начиналъ войну съ мышами, но она всегда оканчивалась неудачно,—непріятелю легко удавалось ускользнуть отъ преслѣдованія въ какую-нибудь дырку или щель. Такимъ образомъ, не смотря на наши надежды сдѣлать переѣздъ удобно и съ комфортомъ, мы все-таки терпѣли нѣкоторые неудобства.

Рѣка отъ Петроалександровска до Нукуса раздѣляется иногда на нѣсколько рукавовъ. Весьма вѣроятно, что большинство этихъ рукавовъ и протоковъ образуется вслѣдствіе мелководья, а когда воды много, то она покрываетъ все сплошь. Если это такъ, то нужно быть очень осторожнымъ во время плаванья при половодѣ, потому что тѣ мѣста, гдѣ острова покрываются водою, все-таки очень мелки, и судно, сидящее болѣе двухъ-трехъ футовъ, легко можетъ попасть на мель. Не смотря на то, что нашъ маленькій, мало нагруженный каюкъ сидѣлъ не болѣе двухъ футовъ, мы все-таки нѣсколько разъ садились на мель, потому что фарватеръ очень извилистъ.

Берега все время низкіе, съ большими отмелями и съ рѣки не видно: населены-ли они или нѣтъ. Повидимому, они пустынные и обитаемости незамѣтно, между тѣмъ какъ по обимъ берегамъ много поселеній, въ чемъ я убѣдился, проѣзжая сухимъ путемъ. Населенность страны незамѣтна съ рѣки потому, что всѣ поселенія находятся въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, чтобы не подвергаться наводненіямъ отъ разливовъ. Поэтому устройство здѣсь пристаней будетъ не легко.

Во время пути не случилось ничего замѣчательнаго. Остановка на ночлеги, скорость плаванія—все было совершенно такое же, какъ и

въ первую поѣзду. На пятый день, передъ вечеромъ, мы приѣхали въ Нукусъ. Укрѣпленіе находится всего въ одной верстѣ отъ рѣки. Такъ какъ было еще свѣтло, то мы отправились туда пѣшкомъ и скоро благополучно достигли цѣли.

IV.

Нукусъ.—Ходжейли.—Отъ Ходжейли до Кунграда.—Каракалпакъ.—Кунградъ.—Занятія кунградскаго бека.—Проводникъ Дусанъ.—Наемъ верблюдовъ.—Окончательное снаряженіе.—Передъ выступленіемъ.

Укрѣпленія въ Нукусѣ совершенно такія же, какъ и въ Петроалександровскѣ, только меньшаго размѣра. Такой-же четырехугольный глинобитный редутъ съ выступами и маленькимъ ровомъ, а внутри—казармы; только ровъ нѣсколько шире и глубже, чѣмъ въ столицѣ Аму-Дарьинскаго отдѣла. Здѣсь, также какъ и тамъ, возникла слободка, но нѣсколько дальше отъ укрѣпленія, очень маленькая и исключительно русская, инородцевъ совсѣмъ нѣтъ и даже по близости повидимому мало ауловъ.

Къ удивленію, мы нашли въ Нукусѣ то, чего не оказалось въ Петроалександровскѣ, а именно двѣ весьма порядочныя ⁽¹⁾ комнаты, назначенныя для приѣзжающихъ.

Если есть въ мірѣ мѣсто печальное, долгое пребываніе въ которомъ является какъ-бы тяжелою ссылкой, то это Нукусъ. Другаго подобнаго мнѣ не встрѣчалось, хотя я и видѣлъ много трущобъ, особенно въ средней Азіи. Заброшенный въ печальной степи, совсѣмъ въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ, на берегу пустынной рѣки, на совершенно ровной, однообразной мѣстности, окруженный мелкимъ, похожимъ на кустарникъ лѣсомъ, почти лишенный сообщенія съ цивилизованнымъ міромъ, потому что даже почта присылается сюда съ джигитами очень рѣдко и неправильно,—Нукусъ по истинѣ можетъ назваться мѣстомъ ссылки для каждаго мало-мальски цивилизованнаго человѣка, даже для солдата. Тутъ даже не содержится постоянныхъ войскъ, а присылаютъ изъ Петроалександровска одну роту и одну сотню казаковъ, которыя смѣняются каждые три мѣсяца. Да и то офицеры отмаливается отъ Нукуса, какъ отъ тягчайшаго испытанія. Даже климатъ

(1) Конечно порядочныя относительно. Для людей, долго не выдавшихъ ничего кромѣ саки да юрты, даже грязенькая комната, имѣющая стекла въ окнахъ и двери, можетъ показаться чуть-ли не дворцомъ.

здѣшній, изобилующій лихорадками, не гостепріименъ. Зимой вѣтры, сырость, а лѣтомъ жара, духота и невообразимое количество комаровъ, отъ которыхъ спастись положительно нѣтъ никакой возможности.

Одно только есть развлеченіе въ Нукусѣ—охота. Птицъ и разныхъ животныхъ тутъ изобиліе. Особенно много зайцевъ и кабановъ. Иногда можно и на тигра поохотиться. Въ дельтѣ Аму-Дарьи до сихъ поръ водится изрядное количество этихъ звѣрей и встрѣча съ тигромъ въ здѣшней мѣстности вовсе не такая рѣдкость, какъ въ Туркестанѣ, гдѣ они почти совсѣмъ вывелись.

Въ Нукусѣ мы окончательно запаслись предметами, которыхъ въ хивинскихъ владѣніяхъ уже нельзя достать, съ тѣмъ, чтобы въ Кунградѣ осталось купить только мясо, хлѣбъ и фуражъ. На слѣдующій день, переправившись черезъ Аму-Дарью на каюкѣ, двигающемся здѣсь въ видѣ парома, мы пріѣхали въ Ходжейли.

Ходжейли, подобно всѣмъ хивинскимъ городамъ, представляетъ небольшой центръ съ базаромъ и раскинутыя, отдѣльныя постройки, причемъ каждое семейство живетъ внутри обрабатываемаго имъ участка земли, въ садахъ съ высокими, иногда зубчатыми стѣнами въ видѣ квадрата. Мѣстность обработана, изрѣзана арыками и усыяна группами деревьевъ. Вообще видъ веселый и оживленный.

Бека, хотя и увѣдомленный о нашемъ пріѣздѣ, имѣлъ неделикатность уѣхать куда-то на базаръ, чѣмъ я былъ крайне недоволенъ, потому что въ его отсутствіе нельзя было нанять арбы для перевозки вещей въ Кунградъ, гдѣ я предполагалъ нанять верблюдовъ до Каспійскаго моря и обратно, такъ какъ это былъ послѣдній населенный пунктъ на границѣ Усть-Урта. Отсутствіе бека вынудило насъ остаться цѣлый день совершенно даромъ въ Ходжейли.

На другое утро бека явился съ извиненіями и объявилъ, что арбы, о которыхъ я говорилъ наканунѣ, готовы. Выскивать съ него было нечего и оставалось только ѣхать дальше.

Хивинская арба не похожа на сартовскую. Это маленькая, тяжелая, неуклюжая двухколесная повозка въ видѣ низкаго, продолговатаго ящика съ огромными, массивными колесами. На подъемъ она очень тяжела, а груза въ ней помѣщается мало, такъ что мнѣ пришлось нанять восемь арбъ, чтобы размѣститъ нашу небольшую поклажу и людей, да и то арбакеши (погонщики) жаловались, что тяжело, и половина солдатъ всю дорогу шла пѣшкомъ.

Отъ Ходжейли въ Кунградъ ведутъ три дороги: восточная, по самому берегу протока Аму-Дарьи—рѣчки Акъ-Джаръ, самая близкая, около 110 верстъ, но она часто заливается и пригодна только зимою, когда

протокъ замерзаетъ; средняя, въ 130—140 верстъ, употребляется, когда вода въ Акъ-Джарѣ низкая, какъ, напримѣръ, осенью; въ половодье она тоже заливается изъ многочисленныхъ, пересекающихъ ее арыковъ, и, наконецъ, западная, кружная. Мы поѣхали по средней дорогѣ и пробыли въ пути четыре дня. Арбы подвигались медленно, и хотя дѣло было осенью, но все-таки на пути встрѣчались разливы. Въ одномъ мѣстѣ мы едва не застряли, и если-бы не встрѣченный случайно киргизъ, указавшій объѣздъ, пришлось-бы, чего добраго, повернуть назадъ.

Мѣстность по пути все время ровная, иногда лѣсистая. Изрѣдка встрѣчаются аулы каракалпаковъ, народа полу-осѣдлаго, полу-кочеваго. Они приходятъ на какое-нибудь приглянувшееся имъ мѣсто, ставятъ свои старыя, дырявыя юрты, обносятъ ихъ чіями ⁽¹⁾ и живутъ здѣсь два, три, иногда даже четыре года, обрабатывая землю, занимаясь хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, а затѣмъ улаживаютъ свои пожитки вмѣстѣ съ жилищами на верблюдовъ и переходятъ на новое мѣсто. Земли много,—затѣмъ трудиться удобреніемъ старой, когда можно перейти на свѣжую? Въ этомъ-же родѣ живутъ и кочевые киргизы, имѣющіе свои зимовки, гдѣ есть топливо, и лѣтовки, гдѣ хороши корма, съ тою только разницей, что киргизы, занимаясь исключительно скотоводствомъ, обязательно переходятъ каждую весну и каждую осень, а каракалпаки живутъ на одномъ мѣстѣ гораздо дольше.

Мы останавливались на ночлегахъ во встрѣчныхъ аулахъ по указаніямъ старшаго арбакаша, даннаго намъ ходжелійскимъ бекомъ въ видѣ проводника. Нужно сознаться, что хотя насъ и гостепріимно принимали, но старались содрать за всякую малость сколько возможно больше, такъ что остановка въ грязной, дымной юртѣ обходилась такъ-же дорого, какъ въ гостинницѣ цивилизованной страны; между тѣмъ ночлеги были далеко не такъ удобны, какъ въ гостинницѣ. Едва успѣешь войти въ юрту и расположиться въ ней, приказавъ развести по срединѣ костеръ ⁽²⁾,—какъ мало по малу она начинаетъ наполняться посѣтителями, немедленно садящимися, по восточному обычаю, на корточки. Передніе, поумнѣе, вступаютъ въ разговоръ: кто мы, откуда, куда ѣдемъ и т. под., а задніе смотрятъ на насъ вытупя глаза. Мы начинаемъ пить чай или закусывать,—они смотрятъ намъ прямо въ ротъ. Предложенія уйти ни къ чему не ведутъ: они какъ будто не понимаютъ, чего отъ нихъ хотятъ, или подвинутся, потѣсняются къ вы-

⁽¹⁾ Тростниковыя плетенки; устанавливаются въ видѣ забора.

⁽²⁾ Обыкновенный способъ отопления юрты и сакали. Для этой чіи въ срединѣ дѣлается небольшое круглое углубленіе, куда накладывается топливо.

ходу, человѣка два выюрнутъ вонъ, а остальные опять присядутъ. Приходится обращаться къ болѣе крутымъ мѣрамъ, иначе говоря—безъ церемоніи гнать ихъ вонъ. Но вотъ проходитъ пять-десять минутъ, нырнетъ въ юрту одинъ, немного погода другой, третій—и скоро опять юрта полна.

Вообще у полудикихъ азіатовъ назойливость и безцеремонность доходятъ до значительныхъ предѣловъ. Они неразговорчивы, это вѣрно, но молчаливо любопытны.

Когда мы на четвертый день пути подъѣхали наконецъ къ Кунграду, насъ проводили прямо въ домъ бека, который встрѣтилъ насъ съ достарханомъ очень любезно и просилъ остановиться у него. Здѣсь встати замѣтить, что между приемами въ Бухарскомъ и въ Хивинскомъ ханствахъ существуетъ значительная разница. Бухарцы, считая свое отечество все-таки, до извѣстной степени, независимымъ государствомъ, принимаютъ русскихъ какъ гостей, заискиваютъ, стараются угостить и обыкновенно, по восточному обычаю, подносятъ подарки, на которые слѣдуетъ отвѣчать таковыми же. Много было разговоровъ объ уничтоженіи этой системы задариванія, не совсѣмъ удобной по многимъ причинамъ, но, не смотря ни на что, она держится до сей поры. Хивинцы-же, считая себя почти подвластными Россіи, находятъ, что къ подобнымъ маневрамъ прибѣгать уже не стоитъ. Достарханъ, болѣе частью весьма скудный, еще существуетъ, а о подаркахъ и объ отдаваніи и помина нѣтъ.

Гостепріимное предложеніе бека относительно остановки было конечно принято, такъ какъ въ Кунградѣ гостинницъ не имѣется, и приходилось или остановиться у него, или поставить юрты,—квартиры по времени года не совсѣмъ удобныя. Въ городѣ необходимо было пробыть дня четыре или пять, чтобы сдѣлать закупки, нанять верблюдовъ и найти проводника,—задачи въ данномъ случаѣ не легкія. Однако-же помѣщеніе въ саклѣ бека оказалось неудобнымъ, и я кончилъ тѣмъ, что велѣлъ разставить на дворѣ юламейку, въ которой и поселился.

Кунградъ расположенъ на обоихъ берегахъ Акъ-Джара, причемъ главная часть его находится на правомъ берегу. Черезъ рѣку перекинутъ деревянный мостъ. Городъ не разбросанъ, какъ другіе хивинскіе города, а скорѣе напоминаетъ сартовское поселеніе съ глиняными заборами, саклями и узкими, кривыми улицами. Есть также много юртъ.

Базаръ значительный, какъ говорятъ—болѣе 300 лавокъ, въ которыхъ туземное населеніе, какъ осѣдлое, такъ и кочующее, можетъ найти все необходимое. Кочевники, когда встрѣчается надобность возобновить одежду или приобрести нужныя въ домашнемъ обиходѣ вещи, приѣзжа-

ють сюда издалека, такъ какъ другаго базара вплоть до Казалинска и Кизляра не имѣется. На базарѣ можно найти ткани (преимущественно привозимые изъ Россіи ситцы), киргизскую обувь, сартовскую посуду, желѣзныя вещи, конскія принадлежности и наконецъ предметы продовольствія, особенно лакомства, сушеные фрукты, орѣхи, леденцы и проч. Фуража, преимущественно джугары, тоже много. Цѣны вообще не дорогія.

Нѣкогда Кунградъ былъ укрѣпленъ, но теперь только съ южной стороны видны развалины высокой зубчатой стѣны, окружавшей городъ. Впрочемъ онъ настолько удаленъ отъ туркменскихъ поселеній, что хищники эти рѣдко до него добирались. Скорѣе онъ долженъ былъ опасаться набѣговъ киргизъ одаевцевъ, кочующихъ на Усть-Уртѣ, но теперь и этотъ беспокойный народъ окончательно замирень. Въ Кунградѣ нѣтъ даже обычной въ восточныхъ городахъ глинобитной цитадели. Нѣкогда таковою служилъ нынѣшній домъ и большой дворъ бека, окруженный довольно высокою стѣною.

Садовъ въ городѣ совсѣмъ нѣтъ, да и въ окрестностяхъ ихъ очень мало.

Народонаселеніе въ Кунградѣ довольно разноплеменное: живутъ хивинцы, киргизы различныхъ родовъ, татары, бухарцы, каракалпаки; русскихъ совсѣмъ нѣтъ, даже трудно найти обывателя, понимающаго по русски. Хотя тутъ не пролегаетъ главный караванный путь отъ Петроалександровска и Хивы на Казалинскъ, но есть сообщеніе по западному берегу Аральскаго моря прямо на Оренбургъ. Дорога эта мало извѣстна и движеніе по ней самое незначительное. Ходятъ также небольшіе караваны изъ сѣверной части Хивинскаго Ханства въ Казалинскъ. Если когда нибудь навигація по Аму-Дарѣ разовьется и по пути отъ Кунграда на Каспійское море будетъ происходить торговое движеніе, то нѣтъ сомнѣнія, что Кунградъ, расположенный на судоходномъ протокѣ Аму-Дарьи, получитъ большое значеніе, какъ мѣсто перегрузки товаровъ. Тогда и благосостояніе его увеличится. Теперь же это небольшой городъ, имѣющій лишь мѣстное торговое значеніе, какъ базаръ и мѣновой дворъ кочевниковъ.

Находясь далеко отъ Хивы, столицы ханства, Кунградское бекство мало подчинено хану. Бекъ, хотя и назначаемый ханомъ, пользуется почти полною независимостью. Все его подчиненіе ограничивается уплатою податей и налоговъ; больше отъ него ничего не требуется и онъ полный хозяинъ въ своемъ бекствѣ. Даже и подати уплачиваются Богъ-вѣсть какъ, ибо у хана нѣтъ средствъ держать въ покорности своего отдаленнаго васала. Бекъ собираетъ налоги съ населенія по

своему усмотрѣнію и творить полновластный судъ и расправу. Каждый день, съ утра, сидитъ онъ у воротъ своего дома, и сюда приходятъ къ нему обыватели разбирать споры, тяжбы и судиться. Здѣсь-же и кончается дѣло: отвѣтчикъ платитъ больше, истецъ меньше, вообще оба платятъ и тѣмъ все кончается. Судопроизводство это составляетъ важный источникъ доходовъ бека, и онъ очень горюетъ, когда получиши мало и приходится сидѣть даромъ. При такомъ примитивномъ способѣ судопроизводства выходитъ, что для правителя гораздо лучше, если его подданные вадорять и безчинствуютъ, — благоправнымъ народомъ управлять невыгодно. Для непокорныхъ и строптивыхъ существуетъ зинданъ, устроенный наподобіе описанныхъ мною выше, — наказаніе довольно внушительное. Впрочемъ бекъ, который управлялъ Кунградомъ во время нашего пріѣзда, былъ человѣкъ добрый, народъ не слишкомъ его ненавидѣлъ и платилъ деньги покорно, почему онъ весьма рѣдко имѣлъ случай прибѣгать къ помощи зиндана. Жизнь онъ велъ, насколько можно было видѣть, довольно однообразную и совершенно въ восточномъ вкусѣ: съ утра сидѣлъ поджавъ ноги у воротъ дома и курилъ кальянъ, а вечеромъ отправлялся во внутренніе покои, иначе говоря въ саклю, садился на подушки такимъ-же порядкомъ и опять курилъ кальянъ, мурлыкая себѣ подъ носъ безконечную пѣсню. По окончаніи сего втораго акта своей дѣятельности, отправлялся спать. Такимъ образомъ проводилъ онъ время постоянно, изо дня въ день, цѣлыми годами, безъ всякаго измѣненія разъ принятыхъ правилъ. Если встрѣчалась необходимость исполнить что-либо необыкновенное, выходившее изъ ряда обыденной дѣятельности, то онъ поручалъ дѣло кому-нибудь изъ приближенныхъ и успокаивался на лаврахъ, знал, что зинданъ обезпечиваетъ его отъ исполненія, не согласнаго съ его желаніями.

По прибытіи въ Кунградъ я тотчасъ приступилъ къ выполнению двухъ главныхъ задачъ: найти проводника и нанять верблюдовъ. Проводникомъ могъ служить только киргизъ по имени Дусанъ, который ходилъ на Каспійское море, къ бухтѣ Яманъ-Айракты, съ транспортомъ рыбы Ванюшина. Къ счастью моему онъ оказался въ городѣ, и я тотчасъ заключилъ съ нимъ условіе провести меня по той-же дорогѣ. Хотя онъ взялъ немного дорого, но, относительно, добросовѣстно. Надо замѣтить, что это былъ единственный человѣкъ, знавшій дорогу: условіе, пользовалъ которымъ цивилизованный проводникъ не преминулъ-бы запросить за свои услуги баснословную цѣну, а кромѣ того рекогносцировка предпринималась въ самую суровую пору года, когда поездка въ пустыню Усть-Урта, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ и осо-

бенно свирѣпствующихъ тамъ бурановъ, была не совсѣмъ удобна и безопасна. Вообще славный малый былъ этотъ Дусанъ: въ физическомъ отношеніи небольшого роста, плотный, широкоплечій, очень смуглый, вообще киргизъ въ полномъ смыслѣ слова и притомъ лихой наѣздникъ, въ нравственномъ—смирный, ласковый, услужливый. Во всю дорогу онъ никогда не жаловался на трудности, ничего не было для него невозможнаго и никогда я не видѣлъ гримасы на его добродушномъ, улыбающемся лицѣ. Стараясь изо всѣхъ силъ, онъ оказывалъ намъ много важныхъ услугъ, даже не относящихся къ его специальнымъ обязанностямъ. Слѣдуетъ сознаться, что я ему во многомъ обязанъ удачнымъ выполненіемъ даннаго мнѣ порученія.

Оставалось добыть верблюдовъ. Хотя въ Кунградѣ есть достаточно этихъ кораблей пустыни, но рѣшительно никто не хотѣлъ ѣхать съ нами: время для верблюда было неподходящее, холодное, по снѣгу онъ плохо ходить, а главное—неизвѣстность пути. Близко-ли? Далеко-ли? Конечно я нанималъ не въ конецъ, а на время, считая приблизительно продолжительность поѣздки въ два мѣсяца. Хотя въ Кунградѣ знали о существованіи Каспійскаго моря, но далеко-ли оно и можно-ли до него дойти—были вопросы почти никому неизвѣстные. Транспортъ Ванюшина ходилъ давно,—успѣли забыть.

Киргизъ верблюдовожатый скоро и легко нанимается везти по извѣстному ему пути; онъ знаетъ, чего ему ожидать, и можетъ-ли верблюдъ, составляющій часто его единственное достояніе и средство къ существованію, вынести путешествіе. Хозяинъ любитъ его, бережетъ, балуетъ. Въ дорогѣ онъ даже спитъ около животнаго. Какъ-же рискнуть потерять его? Поэтому трудно уломать киргиза ѣхать по неизвѣстной ему дорогѣ. Въ Туркестанѣ, напримѣръ, легче нанять верблюдовъ въ Оренбургъ, за 2000 верстъ, чѣмъ въ какое нибудь мѣсто края, находящееся хотя и гораздо ближе, но неизвѣстное хозяину верблюдовъ.

Наконецъ, съ помощью Дусана, удалось мнѣ уломать одного киргиза наняться съ пятнадцатью верблюдами на два мѣсяца, но онъ при этомъ взялъ за провозъ такую плату, которая почти равнялась стоимости самихъ верблюдовъ. Конечно, въ такомъ случаѣ, выгоднѣе было-бы прямо купить ихъ и по возвращеніи продать хотя по дешевой цѣнѣ, но, во первыхъ, при ограниченномъ числѣ животныхъ въ Кунградѣ трудно было найти продажныхъ,—на покупку потребовалось-бы время, которымъ я дорожилъ,—а во вторыхъ, я, безъ сомнѣнія, заплатилъ-бы за нихъ по крайней мѣрѣ вдвое дороже, чѣмъ слѣдовало, и купилъ-бы дрянъ. Плохіе верблюды конечно не могли вынести по-

добнаго путешесгвія, а лишившись ихъ намъ оставалось только погибнуть въ громадной пустынѣ, потому что помощи получить мы не могли никакимъ образомъ. Въ данномъ-же случаѣ, разъ верблюды составляли собственность нанявшагося, не было сомнѣнія, что онъ будетъ съ полнымъ вниманіемъ ухаживать за ними и употребить все свое умѣнье и опытность, чтобы сохранить ихъ въ цѣлости.

Итакъ, двѣ основныя задачи были рѣшены удовлетворительно. Оставалось только закупить продовольствіе. Мяса можно было взять много: наступили морозы и оно не могло испортиться. Хлѣбомъ-же мы запаслись недостаточно, какъ то оказалось впослѣдствіи. Не могу при этомъ не упомянуть, что въ Кунградѣ готовятся очень вкусныя сартовскія лепешки ⁽¹⁾. Такихъ лепешекъ я не встрѣчалъ ни въ Туркестанѣ, ни въ Бухарѣ, и бекъ справедливо гордился ими, угощая насъ. Фуража взяли столько, сколько дозволяли наши довольно скудныя подъемныя средства.

Изъ Кунграда видѣвъ первый уступъ Усть-Урта, такъ называемый Чинкъ, невысокій (200—300 футъ), но обрывистый и скалистый. Онъ извивается темною полосой, въ видѣ ленты, направляясь съ юга на сѣверъ съ западной стороны города. Мѣстами подходит верстъ на 20, мѣстами удаляется верстъ на 60 и какъ-бы прерывается. На немъ замѣтны холмики, какъ-бы маленькія вершинки. Далѣе, на сѣверъ, онъ упирается въ Аральское море, такъ что весь западный берегъ этого моря представляется отвѣсною скалою и нѣтъ ни одного пункта, гдѣ бы можно было устроить мало-мальски удобную пристань. Это совершенно пустынный и крайне негостепріимный берегъ. Недалеко отъ него проходить караванный путь на Оренбургъ, о которомъ я упоминалъ выше.

Часто поглядывали мы на темную, извивающуюся ленту Чинка и подумывали: что-то ожидаетъ насъ тамъ? На картахъ мѣстность между Каспійскимъ и Аральскимъ морями показывается совершенно бѣлою и только изрѣзана черненькими полосками, изображающими дороги, да нѣсколькими кружками—колодцы. Мы отлично знали, что эти полоски и кружки часто наносятся наудачу, по распросамъ, а иногда даже и вовсе такъ себѣ, почему къ существованію нарисованныхъ дорогъ и колодцевъ относились крайне недовѣрчиво. Да, наконецъ, и вели онѣ не совсѣмъ туда, куда намъ нужно было попасть. Надъ Чинкомъ все время висѣли грозныя, черныя тучи и видъ его былъ мало ободряющій.

(1) Лепешки круглыя и плоскія, разной величины, готовятся на водѣ, безъ масла. Онѣ вмѣстѣ съ дынями составляютъ главный предметъ продовольствія бѣдныхъ туземцевъ Туркестана. На копѣйку лепешку, да на копѣйку дыню—и довольно.

Солдаты наши не очень-то задумывались и беспокоились. Они ходили весь день по базару, закупаая себѣ что нужно въ дорогу, а по вечерамъ пѣли пѣсни. Беззаботно шли они туда, куда тащила ихъ служба. Вести, дескать, дѣло начальства. Особенно одинъ изъ нихъ, Симоновъ, малый веселый, смѣлый, находчивый, представлялъ настоящій типъ туркестанскаго солдата, весело, настойчиво, съ беззавѣтною отвагой идущаго впередъ—и непремѣнно впередъ. А что будетъ тамъ дальше? Да что—будетъ то, что Богъ дастъ!

V.

Выступление изъ Кунграда. — Начало съемки. — Айбугирскій заливъ. — Подъемъ Адчуль. — Мазары. — Киргизское кладбище. — Безводные переходы. — Наступленіе холодовъ. — Колодезь Атабай и Ясыбай. — Сумбе. — Оазисъ Саксаула. — Аманджуль. — Иссенъ-казакъ. — Бураны. — Гора Джагылганъ. — Последній ночлеги.

25-го ноября выступили мы изъ Кунграда въ числѣ 13-ти человекъ, пяти лошадей и 15-ти верблюдовъ. Большая толпа любопытныхъ провожала насъ до выѣзда изъ города, а нѣкоторые даже дальше, за развалины стѣны, откуда я рѣшилъ начать работу. Мнѣ очень хотѣлось произвести полунструментальную съемку, для чего взята была съ собою небольшая мензула. Я занялся выборомъ и измѣреніемъ базы, а потомъ двинулся впередъ. Но съ перваго же дня оказалось, что мое предположеніе неисполнимо: хотя морозъ былъ не большой, но сильный юго-восточный вѣтеръ не давалъ возможности не только визировать съ мензулы, но даже установить ее какъ слѣдуетъ. Въ толстыхъ кожаныхъ, подбитыхъ мѣхомъ, перчаткахъ, которыми я обзавелся, работать было неудобно, а безъ перчатокъ руки коченѣли. Наконецъ, съемка эта требовала постоянного слѣзанія съ лошади и влѣзанія на нее, что также представляло не малые затрудненія при тяжеломъ костюмѣ, въ который я нарядился, и особенно въ валенкахъ, не позволявшихъ вдѣвать свободно погу въ стремя. Людямъ было тоже не легко: одни тащили цѣпь, другіе должны были нести мензулу, устанавливать ее и даже держать во время стоянокъ, пока я работалъ. Такимъ образомъ работа ихъ выходила почти безсмѣнною и трудно было рассчитывать, чтобы они могли ее выдержать на громадномъ разстояніи, которое намъ предстояло пройти. Наконецъ, дѣло шло крайне медленно и для того, чтобы снять такимъ способомъ всю дорогу, потребовалось бы мѣсяца три-четыре, а можетъ быть и больше; взятыхъ же нами съ собою запасовъ

далеко не могло хватить на такое продолжительное время. Тѣмъ не менѣе въ первый день я продолжалъ начатое дѣло до тѣхъ поръ, пока не промерзъ и не усталъ до крайности. Люди также сильно озябли и утомились. Пришлось остановиться. Оказалось, что мы прошли всего пять верстъ! Вслѣдствіе такого печальнаго результата, я вынужденъ былъ отказаться отъ мензулы и рѣшилъ продолжать работу бусолью, дѣлая засѣчки и нанося мѣстность не сходя съ коня. Однакоже измѣреніе цѣпью я не отмѣнилъ. Люди работали на три смѣны и этотъ полезный моціонъ не только не утомлялъ ихъ, но даже былъ пріятенъ. Они находили, что гораздо лучше тащить цѣпь, чѣмъ сидѣть на морозѣ, да еще при сильномъ вѣтрѣ, на верблюдѣ. Даже тѣ, которые не работали, почти всю дорогу шли пѣшкомъ.

Бѣда на верблюдѣ, не говоря уже о неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ находились мы, сама по себѣ ужасно тяжела. Верблюдъ на ходу сильно качается, такъ что нужно и всаднику все время качаться въ тактъ животному. Отъ этой постоянной качки начинаетъ ломить поясницу, и боль въ первые дни бываетъ такъ сильна, что просто, какъ говорится, хотъ волкомъ вой. Только послѣ долгихъ переѣздовъ всадникъ привыкаетъ и страданія мало по малу уменьшаются. Въ пустынѣ также какъ на морѣ: на морскомъ кораблѣ всегда страдаютъ въ началѣ отъ морской болѣзни, на кораблѣ пустыни—отъ боли въ пояснице. Я испыталъ и то и другое, почему смѣло могу сказать — одно стоитъ другаго. Но разъ привычка пріобрѣтена, тогда все равно: можно совершенно спокойно ѣхать на верблюдѣ тысячи верстъ. Туземцы служатъ прямымъ доказательствомъ: они сидятъ между горбами своего звѣря какъ дома, въ спокойной качалкѣ. Даже спятъ на немъ. Мало того, они ухитряются ѣздить на верблюдѣ рысью. Удивляться только нужно, какъ они могутъ усидѣть на немъ, потому что верблюдъ на рыси трясетъ и подбрасываетъ немилосердно, гораздо сильнѣе самой тряской лошади. Проѣхать такимъ образомъ значительное пространство просто подвигъ.

Кишлакъ Айранъ, въ которомъ холодъ и усталость вынудили насъ остановиться, находится почти на берегу высохшаго Айбугирскаго залива. До него дорога пролегаетъ по мѣстности населенной, обработанной, изрѣзанной арыками. Часто встрѣчаются кишлаки съ глиняными постройками, обсаженные деревьями, а кромѣ того попадаются и отдѣльные строенія. Здѣсь народонаселеніе вполнѣ осѣдлое, занимающееся хлѣбопашествомъ и разведеніемъ фруктовъ, конечно, отчасти, и скотоводствомъ. За Айраномъ есть еще нѣсколько отдѣльныхъ саклей, а потомъ начинается Айбугирскій заливъ.

До сего времени можно встрѣтить карты, на которыхъ Айбугирскій заливъ Аральскаго моря показанъ покрытымъ водою, между тѣмъ какъ онъ давно уже высохъ. Западный берегъ его составляетъ ступень Усть-Урта, о которой я упоминалъ выше, а восточный, отлогій, тянется изгибами съ юга на сѣверъ и подходит мѣстами верстъ на шесть-восемь къ Кунграду. На югъ заливъ доходилъ до широты Ходжейли. Дно залива, по которому проходитъ теперь въ разныхъ направленіяхъ много тропинокъ и даже арбяныхъ дорогъ, неровное, покрытое кочками, съ самою жалкою растительностью. Мѣстами растетъ высокій камышъ, настолько густой, что сквозь него трудно продрасться. Попадаются также топкія, болотистыя мѣста, почему раннею весною и позднею осенью сообщеніе бываетъ затруднительно, особенно на томъ участкѣ, по которому мы проходили. Нѣсколько сѣвернѣе болотистыхъ мѣстъ меньше. На заливѣ видны мѣстами значительные холмы, которые вѣроятно представляли острова, когда заливъ былъ покрытъ водою.

Въ Айбугирскомъ заливѣ водится очень много кабановъ. Они бѣгаютъ стадами въ 10 — 20 и болѣе головъ и подпускаютъ къ себѣ очень близко. Мнѣ случалось видѣть здѣсь кабановъ на разстояніи не болѣе 50-ти шаговъ. Для охотника тутъ раздолье. Подобное изобиліе кабановъ не удивительно: киргизы ихъ не бьютъ, русскихъ тутъ нѣтъ, такъ что животные плодятся и размножаются на свободѣ. Если русскіе займутъ Кунградъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что количество кабановъ въ Айбугирскомъ заливѣ быстро поуменьшится, какъ это уже случилось около Нукуса, гдѣ теперь гораздо меньше, чѣмъ въ прежнія времена, какъ летающей, такъ и бѣгающей дичи.

На слѣдующій день, пройдя около 15-ти верстъ Айбугирскимъ заливомъ по довольно скверной, кочковатой, мѣстами болотистой дорогѣ, мы подошли къ подножію Чинка въ такомъ мѣстѣ, гдѣ подъемъ средней крутизны и очень удобенъ.

Въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, мѣстахъ отвѣсная скала, составляющая уступъ, какъ-бы прорывается и представляетъ короткое ущелье, постепенно суживающее при подъемѣ. У такихъ мѣстъ обыкновенно видны вверху каменные развалины въ родѣ могилъ, почему они и называются могилами или мазарами. Подобныхъ могилъ разсыпано множество по всей поверхности Усть-Урта, преимущественно на холмахъ или вообще возвышенныхъ мѣстахъ, такъ что ихъ очень далеко видно. Вблизи каждаго колодца непрѣнно есть такой мазаръ. Дѣйствительно-ли здѣсь похороненъ кто нибудь или кучи камней сложены только въ видѣ ориентировочнаго пункта—сказать не могу, только они существуютъ очень давно, потому что постройки совершенно

развалились и видна лишь груда камней. По продолговатой формѣ нѣкоторые изъ нихъ напоминаютъ могилы. Одно можно сказать, что если эти мазары поставлены какъ ориентировочные пункты, то нужно имѣть киргизское чутье и привычку къ степи, чтобы по нимъ ориентироваться. При крайнемъ однообразіи мѣстности, многочисленности мазаровъ и совершенно одинаковомъ ихъ видѣ, человѣкъ, не знакомый въ совершенствѣ со степью, неминуемо собьется и запутается еще хуже, чѣмъ если-бы ихъ вовсе не было, принимая одинъ мазаръ за другой. Это я на себѣ испыталъ. У всѣхъ мазаровъ, находящихся близъ колодцевъ, есть названія, отъ котораго и колодезь получилъ свое. Названія есть и у нѣкоторыхъ другихъ мазаровъ, находящихся преимущественно на высокихъ, далеко видимыхъ мѣстахъ.

Подъемъ Адчуль, по которому мы поднялись, совершенно неизвѣстенъ и на карты не нанесенъ. Въ этомъ мѣстѣ уступъ Усть-Урта составляетъ почти прямой уголъ. Направляясь отъ сѣвера къ югу, здѣсь онъ круто поворачивается на западъ. На самомъ углу, на высокомъ холмѣ, находится киргизское кладбище Даутъ.

Магометанскія кладбища въ Средней Азіи не имѣютъ того красиваго, разнообразнаго вида, какъ христіанскія. На нихъ нѣтъ ни деревьевъ, ни даже кустарника. Надъ могилами сдѣланы изъ глины однообразные, продолговатые, разной величины памятники, выкрашенные въ разные цвѣта. Большею частью попадаются бѣлые, сѣрые и голубые. Иногда памятники имѣютъ видъ небольшой четырехугольной постройки съ куполомъ, внутрь которой можно пролѣзть черезъ небольшое отверстіе. Внутри пусто—никакой могилы нѣтъ. Такіе памятники называются почему-то «мулушками» и служатъ прекраснымъ мѣстомъ для укрытія отъ непогоды. Въ степи, гдѣ иногда на сотни верстъ нѣтъ рѣшительно ни одного закрытія и приходится иногда цѣлыми недѣлями терпѣть непогоду, дождь, бураны и тому подобныя невзгоды, встрѣтить мулушку весьма пріятно. Здѣсь можно развести костеръ, просушиться, обогрѣться и отдохнуть во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы потомъ съ новою энергіею пуститься въ трудный путь. Къ сожалѣнію, большая часть этихъ мулушекъ въ настоящее время не удовлетворяетъ цѣли какъ пріютъ. Видишь издали постройку, торопишься къ ней полный надежды и—увы! слѣдуетъ разочарованіе: куполъ провалился и закрытія сверху нѣтъ.

Такія стоянки и ночлеги въ мулушкахъ можно дѣлать только съ большою осторожностью по двумъ причинамъ: во-первыхъ, туземцы не любятъ, когда христіане останавливаются на ихъ кладбищахъ, считая это святотатствомъ, почему можно имѣть непріятности, если они замѣ-

тять бивакъ, а во-вторыхъ, мулушки очень непрочны. Какъ разъ въ то время, когда вы, обрадованные закрытію, расположитесь тамъ со всевозможнымъ удобствомъ и комфортомъ, куполъ проваливается и не только наноситъ вамъ серьезные ушибы, но можетъ и совсѣмъ раздавить. Особенно часто такіе провалы случаются во время сильныхъ дождей, размывающихъ глину.

Кладбище Даутъ—новое, судя по памятникамъ. Кочевники и теперь хоронятъ здѣсь своихъ умершихъ.

Пройдя по возвышенности еще верстъ пять, почти параллельно уступу, мы остановились на ночлегъ. Это былъ первый ночлегъ на Усть-Уртѣ. Расчистивъ мѣсто, солдаты поставили юламейки. Топлива въ окрестностяхъ не было, кромѣ сырой, плохо горящей колючки, но съ предыдущаго ночлега былъ взять запасъ его, такъ какъ проводникъ предупредилъ насъ, что мы не скоро найдемъ по дорогѣ этотъ необходимый предметъ при путешествіи въ зимнее время. Но такъ какъ у насъ его было не много, то я приказалъ попробовать развести костеръ изъ колючки. Она никакъ не хотѣла загорѣться и только шель невозможный дымъ. Однако же, въ концѣ концовъ, загорѣлась и колючка, но такъ быстро сгорала, что для того только, чтобы приготовить чай, потребовалось огромное количество этого топлива.

Воды на ночлегѣ тоже не было. Впрочемъ, насъ это не затрудняло: на Усть-Уртѣ было уже не много снѣга, лежавшаго полосами ⁽¹⁾.

Я сильно рассчитывалъ на снѣгъ. Одна изъ причинъ, почему я пустился на Усть-Уртъ зимою, заключалась именно въ томъ, что во всякомъ случаѣ мы не останемся безъ воды—этой первой потребности существованія. Богъ вѣдаетъ, гдѣ найдется вода и какая вода. Возможно-ли ее пить? Тащить же за собою воду въ большомъ количествѣ не позволяли мнѣ средства. Я, впрочемъ, взялъ съ собою изъ Петро-александровска, на всякій случай, два деревянныхъ боченка, такъ называемые бочата, съ лѣсенками для навьючиванія на верблюда, но съ этими бочатами случилось слѣдующее: зная, по заявленію Дусана, что на Усть-Уртѣ не скоро дойдемъ до воды, мы еще внизу наполнили ихъ до половины. Въ первый же день вода замерзла. Хорошо еще, что не совсѣмъ наполнили, а то бочата развалились бы. Какъ мы потомъ ни ухитрялись добыть изъ нихъ воды, никакимъ образомъ не могли добиться успѣха. Отогрѣвали ихъ, подвѣшивали надъ костромъ, вливали въ нихъ горячую воду,—ничего не помогало. Такъ эти бочата путешествовали съ нами всю дорогу и вернулись въ Петроалександровскъ.

(1) Внизу у Кунграда и въ Айбугирскомъ заливѣ снѣга еще не было.

Бросить ихъ я не хотѣлъ, потому что добро казенное, — пришлось бы платить, а мѣсто на верблюдахъ для нихъ было, люди почти всю дорогу шли пѣшкомъ.

Разсчитать на снѣгъ оказался вѣрнымъ, — мы прошли болѣе 100 верстъ не встрѣтивъ ни одного колодца. Безъ сомнѣнія, транспортъ Ванюшина, слѣдуя по этой дорогѣ, везъ съ собою большой запасъ воды, — иначе пройти онъ не могъ. Наше движеніе, съ помощью снѣга, не было стѣснено необходимостью имѣть ночлеги у колодцевъ, что неминуемо задерживало бы съему. Я могъ работать съ утра до вечера и, когда начинало темнѣть, останавливался гдѣ Богъ приведетъ. Топливо на одинъ, два ночлега всегда тащили съ собою, а вода была подъ ногами. Очень занимательно было, какъ солдаты, придя къ мѣсту ночлега и разставивъ юламейки, вооружались ведрами, лопатами и отправлялись «по-воду». Хотя въ этой пустынѣ снѣгъ совершенно чистый, но они все-таки снимали верхній слой и брали изъ середины, — еще, дескать, чище. Тѣмъ не менѣе со снѣговымъ водоснабженіемъ была порядочная возня. Требовалось удовлетворить водою 13 человѣкъ и пять лошадей. Верблюдамъ снѣговой воды не давали; сначала они такъ обходились, а потомъ ихъ поили изъ попутныхъ колодцевъ.

Операция добыванія воды производилась слѣдующимъ образомъ: въ землю вбивались два кола, къ нимъ вверху привязывалась перекладина, на которой подвѣшивались два или три наполненные снѣгомъ ведра. Подъ ведрами разводился костеръ. При превращеніи снѣга въ воду объемъ его сильно уменьшался, такъ что изъ наполненного черезъ край снѣгомъ ведра воды получалось очень немного — только на днѣ. Въ это время люди, съ другими ведрами, все время подносили снѣгъ и дополняли висяція надъ огнемъ ведра до тѣхъ поръ, пока они не наполнялись окончательно водою. Тогда ихъ снимали, воду разливали для различныхъ потребностей, опять подвѣшивали — и операция начиналась снѣзновою. Первая полученная вода употреблялась конечно для приготовленія чая и супа, затѣмъ оставался запасъ для питья людямъ и наконецъ поили лошадей.

Супъ изъ баранины съ перловою или манною крупой былъ почти единственнымъ нашимъ кушаньемъ во все время пребыванія на Усть-Уртѣ. Пробовали было жарить баранину, такъ какъ масла взяли съ собою достаточно; но жаркое, приготовленное на кострѣ, было всегда такое твердое и такъ пахло дымомъ, что мы скоро отъ него отказались. Иногда готовяли макароны. Хотя столъ былъ довольно однообразенъ, но я до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ, какое наслажденіе доставлялъ этотъ жиденькій, часто пахнувшій дымомъ супъ,

послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на морозѣ, на конѣ, въ работѣ. Самыя изысканныя блюда не могутъ сравниться съ этимъ супомъ. Утромъ, передъ выступленіемъ, ѣли разогрѣтые остатки вчерашняго супа и пили чай.

Первый нашъ ночлегиъ вышелъ не дуренъ; всѣ были довольны и веселы.

Потомъ мы цѣлыхъ четыре дня шли по совершенной пустынѣ, пока добрались до перваго колодца. Мѣстность на этомъ участкѣ все время слабо холмистая, почти ровная. По сторонамъ виднѣлись иногда гребни высотъ съ крутыми скатами, такіе же, такъ сказать, оборванные уступы, какъ тотъ, на который мы поднялись. На самой дорогѣ такихъ уступовъ не встрѣчалось, но все-таки замѣтно было, что мы поднимаемся, потому что отлогіе подъемы на встрѣчные холмы были длиннѣе спусковъ. Грунтъ земли все время твердый, осадочнаго образованія, мѣстами усѣянный мелкими камешками, въ родѣ шоссе. Растительности, кромѣ колючки, никакой, такъ что мы оказались бы въ очень печальномъ положеніи относительно топлива, еслибы не встрѣтили большую котловину—вѣроятно высохшее озеро, гдѣ нашли немного саксаула. Между тѣмъ морозы все усиливались при порывистомъ юго-восточномъ вѣтрѣ, господствующемъ въ этой части Усть-Урта. Вѣтеръ этотъ много мѣшалъ работать. Еслибы онъ дулъ не въ спину ⁽¹⁾, а въ лицо, то невозможно было бы производить съемку. И при настоящемъ вѣтрѣ снимать было очень трудно: въ перчаткахъ невозможно было ни визирировать, ни записывать углы и пройденныя разстоянія, ни дѣлать отмѣтки неровностей. Пришлось дѣлать все голыми руками, согрѣвая ихъ насколько возможно въ рукавахъ тулупа во время переѣздовъ. Особенно трудно было держать въ рукахъ неподвижно сильно захлаождѣвшую металлическую бусоль. Въ концѣ концовъ я непремѣнно долженъ былъ отморозить себѣ пальцы, что дѣйствительно случилось, хотя и не въ очень сильной степени.

Оріентировочныхъ пунктовъ, кромѣ однообразныхъ мазаровъ на холмахъ по сторонамъ дороги, рѣшительно не было. Кругомъ совершенная пустыня, мѣстами покрытая снѣгомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черныя полосы кустовъ колючки. Трудно было даже брать направленіе дороги, такъ какъ пункты визированія не обозначались никакими мѣстными предметами; самая дорога была видна только иногда, да и то весьма не ясно. Кажется, со времени проѣзда транспорта Ванюшина, въ теченіе трехъ лѣтъ, тутъ не ѣздила и не проходила ни одна жи-

(1) Мы шли въ это время на западъ и сѣверо-западъ.

вая душа. Вслѣдствіе этого наше шествіе было организовано слѣдующимъ образомъ: впереди ѣхалъ, разыскивая дорогу, проводникъ Ду-санъ; за нимъ, въ разстояніи около версты, по его слѣдамъ, ѣхалъ С. Д. Гескетъ. Онъ останавливался на возвышенныхъ мѣстахъ и слу-жилъ мнѣ предметомъ визируванія для опредѣленія направленія дороги. Я ѣхалъ также въ разстояніи версты отъ него, останавливаясь на тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ онъ останавливался, и визируя впередъ. Мѣ-ста остановокъ были очень хорошо видны по взрытому снѣгу. Когда моя работа на стоянкѣ была окончена и я двигался впередъ, то и онъ ѣхалъ дальше. Люди тащили цѣпь около меня и на каждой стоянкѣ я записывалъ пройденное разстояніе. Остальные люди и верблюды шли нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги или за нами, чтобы не мѣшать ра-ботѣ. При подобномъ порядкѣ хотя движеніе и было нѣсколько ме-дленно, но за то какъ направленіе дороги, такъ и разстояніе были опредѣляемы съ достаточною точностью, и съемка, какъ оказалось впо-слѣдствіи, вышла довольно вѣрная. Скорость движенія была отъ 16-ти до 22-хъ верстъ въ день. Вечеромъ на ночлегѣ, поѣвъ супу и напив-шись чаю, я перечерчивалъ на общій листъ пройденный участокъ въ масштабѣ двѣ версты въ дюймъ ⁽¹⁾. Такъ шло изо-дня въ день до самаго окончанія рекогносцировки.

Пройдя около 80-ти верстъ по Усть-Урту, мы наконецъ добрались до колодца Атабай и Ясыбай, гдѣ остановились на ночлегъ. Названіе колодезь получилъ отъ какого то святаго отшельника, который жилъ здѣсь и похороненъ на холмѣ близъ колодца. Теперь видны только остатки его могилы.

Нечего и говорить, что тотчасъ по прибытіи мы поторопились по-пробовать, какая вода въ колодцѣ. Къ величайшему разочарованію вода оказалась такая затхлая, вонючая и противная на вкусъ, что не только люди и лошади, но даже верблюды не могли ея пить. Это от-крытіе сильно насъ огорчило. Что если и дальше будетъ такъ? За-чѣмъ же снимать дорогу, если на ней нѣтъ порядочной воды? Оче-видно, подобная дорога никуда не годится, и мы трудимся даромъ. Впо-слѣдствіи я по опыту убѣдился, что затхлость воды въ колодцѣ еще не есть признакъ его негодности. Происходитъ она отъ того, что ко-лодезь вовсе не эксплуатируется иногда цѣлые десятки лѣтъ. Если очистить его, вычерпавъ всю воду, затхлость пропадетъ и добывается очень хорошая вода. Поэтому нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ къ негодности воды въ степномъ колодцѣ, только разъ попробовавъ

(1) Общій планъ вышелъ болѣе 10-ти аршинъ длины.

ее; сначала нужно узнать, давно-ли онъ не былъ эксплуатированъ. Вотъ если вода въ колодцѣ соленая, то горю трудно помочь: можетъ быть при эксплуатаціи содержаніе соли нѣсколько уменьшится, но все-таки она останется соленою и непріятною на вкусъ. Лошади ее пьютъ хорошо, но для людей она не годится и пользоваться ею можно только въ крайности.

Пришлось опять обратиться къ добыванію воды изъ снѣга, и не только на колодцѣ Атабай, но и на слѣдующемъ, Табынъ-су, гдѣ вода оказалась тоже скверною.

Не завидно было наше положеніе и относительно топлива. Взятое изъ Кунграда уже вышло, а по дорогѣ до сихъ поръ, кромѣ колючки, почти ничего не встрѣчалось. Старались разводить костры изъ колючки, но дѣло шло плохо. Для печекъ нашихъ она вовсе не годилась. Вообще взятые нами печи не особенно хорошо служили. Одна сломалась въ самомъ началѣ экспедиціи. Неудобство ихъ состояло прежде всего въ томъ, что онѣ согрѣвали юламейку лишь на очень короткое время, на полчаса, много на часъ, а затѣмъ приходилось или вновь топить, что при ограниченномъ количествѣ топлива и неизвѣстности, гдѣ еще удастся добыть его, мы не могли дѣлать, или сидѣть въ такомъ же холоду, какъ и до топки. Холодъ даже казался еще чувствительнѣе, потому что, при охлажденіи печи, къ нему былъ рѣзкій переходъ отъ сильнаго тепла. Кромѣ того, кошма около высунутой наружу трубы обгорѣла, образовалась большая дыра и черезъ нее вѣтеръ и холодъ безпрепятственно проникали въ юламейку, и безъ того представлявшую слабое отъ нихъ закрытіе. Наконецъ, трудно было установить печь, соображаясь съ направлениемъ вѣтра, которое часто измѣнялось. При перемѣнѣ вѣтра печь дымила до такой степени, что невозможно было оставаться въ юламейкѣ. Не смотря на всѣ эти неудобства, печка все-таки приносила намъ пользу, доставляя возможность лучше согрѣться, чѣмъ у костра, тѣмъ болѣе, что морозы все увеличивались и достигали днемъ до 12—15 градусовъ ⁽¹⁾. Ночью же, и особенно подъ утро, было еще холоднѣе.

Усиленіе холодовъ вынудило меня нарядиться въ такой костюмъ какого еще никогда не приходилось носить: на мнѣ былъ надѣтъ полушубокъ, на немъ тулупъ въ рукава и поверхъ всего этого бурка, а на головѣ высокая хивинская баранья шапка. Особенное вниманіе я

(1) Хотя такой морозъ нельзя назвать сплннымъ, но онъ былъ крайне непріятенъ потому, что все время сопровождался порывистымъ вѣтромъ, сѣверо-или юговосточнымъ, иногда переходившимъ даже въ бурянь.

обратилъ на ноги. Вырѣзавъ изъ кошмы длинныя полосы, въ родѣ портянокъ, я обертывалъ ими ноги вплоть до козѣнъ и обвязывалъ бичевою, а затѣмъ надѣвалъ валенки. Весь нарядъ былъ такъ тяжелъ, что я едва могъ двигаться. Добравшись утромъ до лошади и вѣзавшись на нее, ноги мои вгонялись въ стремяна, и я оставался верхомъ до прибытія на ночлегъ, т. е. до солнечнаго заката, потому что вытаскивать ноги изъ стремянъ не имѣлъ ни малѣйшей возможности. Зато холода я не чувствовалъ, не смотря ни на какой морозъ или буранъ. С. Д. Гескетъ былъ такъ-же наряженъ, какъ и я, и на холодъ не жаловался. Солдаты въ своихъ тулупахъ и жандармскихъ сапогахъ тоже весело переносили невзгоды. Ъхать на верблюдахъ при такомъ сильномъ вѣтрѣ было очень трудно,—они все время шли пѣшкомъ и моционъ согрѣвалъ ихъ. Больше всѣхъ страдали отъ холода наши несчастные верблюдовожатые. Они пустились въ дорогу въ своихъ оборванныхъ халатахъ и не имѣли даже тулуповъ. Ночевали они вмѣстѣ съ верблюдами подъ открытымъ небомъ. Не смотря на все тепло, которое удѣляли имъ ихъ звѣри, скоро они не могли выносить ночнаго холода и я далъ имъ верхъ запасной юламейки, изъ котораго они устроили шалашъ, гдѣ разводили костеръ. Въ юламейкѣ нижнихъ чиновъ тоже разводился костеръ, поддерживавшійся всю ночь, если только было топливо.

Почти 150 верстъ отошли мы отъ Кунграда и положеніе наше становилось очень затруднительнымъ: ни воды, ни топлива. Вернуться назадъ было также невыгодно, ибо намъ хорошо было извѣстно, что топлива, этого нужнѣйшаго для насъ матеріала, на возвратномъ пути не было вовсе. Да, наконецъ, какъ вернуться, не исполнивъ порученія? Но, вотъ, достигли колодца Сумбе и сразу успокоились и повеселѣли. Колодезь Сумбе находится среди холмистой мѣстности. Почва здѣсь хотя и твердая, но покрыта слоемъ песку, на которомъ растетъ много саксаула. Вода въ колодцѣ прѣсная и мягкая на вкусъ.

Саксаулъ представляетъ прекрасное топливо. Растетъ онъ преимущественно на песчаной почвѣ, почему въ большихъ пескахъ Кара-Кумахъ, Кызыль-Кумахъ и по берегамъ Аму-Дарьи можно много его встрѣтить. Узловатые, волокнистые стволы его рѣдко достигаютъ значительной высоты; большею частью онъ представляется въ видѣ кустовъ, но на Усть-Уртѣ встрѣчаются довольно высокія саксауловыя деревья.

Очень много саксаула растетъ на лѣвомъ берегу средняго теченія Сыръ-Дарьи. Прежде его употребляли какъ топливо на царовѣхъ судахъ аральской флотиліи и вырубали въ большомъ количествѣ. До сихъ поръ въ попутныхъ городахъ и на станціяхъ почтовой дороги

изъ Оренбурга въ Ташкентъ, на томъ участкѣ ея, который проходитъ близъ Сыръ-Дарьи, отопленіе производится саксауломъ, который привозятъ съ лѣваго берега рѣки.

Достоинства саксаула, какъ топлива, заключаются въ томъ, что онъ даетъ много тепла и отлично горитъ, въ какомъ бы сыромъ видѣ ни находился. Мнѣ случалось доставать саксаулъ изъ-подъ снѣга, совершенно отсырѣвшій, и, не смотря на это, онъ разгорался отлично. Представляетъ онъ только одно неудобство—очень быстро сгораетъ, такъ что для продолжительной топки нужно много матеріала. Аральская флотилія поглощала огромное количество саксаула и если-бы она продолжала свое существованіе, то, безъ сомнѣнія, запасы топлива лѣваго берега Сыръ-Дарьи истощились-бы.

На Усть-Уртѣ саксаулъ растетъ участками, такъ сказать, оазисами, преимущественно тамъ, гдѣ есть на поверхности земли слой песку. Колодезь Сумбе находится на южной окраинѣ огромнаго саксауловаго оазиса, имѣющаго до 200 квадратныхъ верстъ, а можетъ быть и болѣе. Здѣсь его никто не трогаетъ, кромѣ незначительнаго числа кочевыхъ киргизъ одаевцевъ, приходящихъ сюда на зимовки, почему онъ достигаетъ большихъ размѣровъ. Растетъ онъ быстро и оазисы его, разбросанные по всему Усть-Урту, представляютъ громадный запасъ топлива, особенно, если пользоваться имъ правильно, не истощая матеріала.

Придя къ Сумбе, мы съ удовольствіемъ напились вкусной колодезной воды, потому что вода изъ снѣга, хотя и самаго чистаго, имѣетъ особенный, не совсѣмъ пріятный вкусъ. Можетъ быть это происходитъ отъ непривычки, опредѣлить не могу, но только она намъ не совсѣмъ нравилась. Потомъ развели большіе костры и обогрѣлись какъ слѣдуетъ, въ полномъ смыслѣ слова. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ работѣ на морозѣ, съ слабымъ утѣшеніемъ согрѣться у дымаго костра изъ колючки, вечеръ по приходѣ къ Сумбѣ былъ для насъ настоящимъ праздникомъ. Можно было топить не жалѣя дровъ,—вокругъ насъ ихъ было достаточно.

Здѣсь я рѣшился сдѣлать дневку. Необходимо было дать людямъ и животнымъ отдыхъ, поправить кое что въ снаряженіи и перевьючить верблюдовъ, распредѣливъ правильнѣе грузъ.

Черезъ день пустились дальше, ободренные первымъ успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ мы теперь знали, что за нами остается пріютъ, такъ сказать станція, гдѣ можно отдохнуть и обогрѣться.

Выйдя изъ оазиса саксаула, мы опять вступили въ голую степь, еще болѣе пустынную, чѣмъ та, по которой шли до сихъ поръ. Холмы все уменьшались, мѣстность дѣлалась ровнѣе и были такія мѣста, гдѣ

горизонтъ сливался съ небомъ, въ видѣ правильнаго круга, какъ на поверхности океана. Эта громадная равнина была покрыта бѣлымъ, блестящимъ снѣгомъ; больно было глядѣть на него,—рѣзало глаза. Иногда попадались большіе солончаки. Тѣмъ не менѣе, мы все понемногу поднимались, пока не достигли колодца Аманджулъ. Колодезь этотъ среди совершенно пустынной мѣстности, находится какъ разъ на полдорогѣ отъ Кунграда къ бухтѣ Яманъ-Айракты. Достигнувъ наибольшей высоты, отсюда начинается спускъ къ Каспійскому морю, сначала почти незамѣтный. Слѣдовательно перешеекъ Усть-Уртъ представляетъ плоскую возвышенность, изрѣзанную въ разныхъ направленіяхъ небольшими уступами и достигающую наибольшей высоты по самой серединѣ.

До сихъ поръ не встрѣтилось еще ни одного колодца, исключая Сумбе, гдѣ-бы мы нашли вполне хорошую воду. Большею частью она была затхлая и крайне непріятная на вкусъ. Видъ колодцевъ на Усть-Уртѣ очень однообразный: небольшая впадина въ родѣ котловины, въ серединѣ одинъ или нѣсколько колодцевъ⁽¹⁾, которые имѣютъ отъ полуторыхъ до двухъ аршинъ въ діаметрѣ и обложены камнемъ. Глубина ихъ различна: отъ 12-ти до 34-хъ аршинъ; высота столба воды—отъ одного до пяти аршинъ. Скорость прибыли воды я не изслѣдовалъ, такъ какъ не имѣлъ для сего ни времени, ни средствъ, но собранныя свѣдѣнія указывали, что изъ одного колодца можно напоить сразу до 300 верблюдовъ. У нѣкоторыхъ колодцевъ есть пойма для животныхъ, выдолбленная въ большихъ камняхъ. Въ разстояніи отъ полуверсты до версты, на холмѣ, видны развалины мазара. Въ котловинѣ, гдѣ находится колодезь, большею частью нѣтъ совершенно никакой растительности. Если колодцы находятся въ саксауловыхъ оазисахъ, то все-таки въ котловинѣ пусто—только на нѣкоторомъ разстояніи, на окружающихъ холмахъ, растетъ саксаулъ и трава.

Итакъ, мы прошли всего 225 верстъ, слѣдовательно отъ Кунграда до бухты Яманъ-Айракты должно быть около 450 верстъ, — вовсе не такъ много, какъ намъ говорили. Надо замѣтить, что киргизы и вообще туземцы очень плохо умѣютъ опредѣлять разстоянія по числу верстъ. Туземцы лучше знаютъ опредѣленіе разстояній бухарскою мѣрою — ташами. Ташъ равняется восьми верстамъ. Такъ какъ эта мѣра очень крупная, то ее подраздѣляютъ на полташа и четверть таша.

Между тѣмъ наступило 10-е декабря и морозы все усиливались.

(1) Напримѣръ, на урочищѣ Кара-Баянъ число колодцевъ доходить до семи изъ которыхъ два засыпаны.

Мы привыкли къ нимъ и, наряженные въ наши фантастическіе костюмы, работали спокойно, не страдая отъ холода. Привыкли мы также и къ однообразію работы и жизни вообще. Скучать было некогда: цѣлый день на конѣ проходилъ незамѣтно, а къ вечеру такъ уставали, что, наситившись, торопились забраться въ постели, гдѣ и продолжали бесѣдовать, хотя бесѣды эти были не очень-то удобны, потому что приходилось закрываться съ головой.

Отъ Аманджула дорога имѣетъ все тотъ-же характеръ: такая-же твердая глинистая почва, такая же пустырь кругомъ. Ни людей, ни животныхъ, ни птицъ—ничего. Страна крайне неприглядная. Только колодцы встрѣчались чаще, иногда въ 10-ти—15-ти верстахъ одинъ отъ другаго. Но вотъ мѣстность дѣлается болѣе пересѣченною, по временамъ встрѣчаются даже небольшія горки—и мы вступаемъ въ новый оазисъ саксаула, гдѣ находится колодезь Иссенъ-Казаккъ. Этотъ оазисъ меньше перваго, но все-таки попадаются большія деревья съ толстыми стволами. Опять обиліе топлива, опять отдыхъ и всѣ веселы. Прошли двѣ трети дороги—осталось около 110-ти верстъ.

Здѣсь мы встрѣтили аулъ кочующихъ киргизъ одаевцевъ, но какой аулъ! Три старыя, дыравыя юрты, люди въ лохмотьяхъ, бѣдность и грязь невыразимыя, а кромѣ того и дикость непомерная. Жители совершенные дикари и говорить съ ними, даже знающему языкъ, чрезвычайно трудно, потому что они боятся русскихъ и избѣгаютъ разговоровъ. Струсивъ насъ, они уже было собрались переходить подальше, на другое мѣсто. Къ счастью ихъ, мы пробыли только два дня и освободили ихъ отъ стѣснительнаго сосѣдства.

Дневка на Иссенъ-Казаккъ была вызвана двумя обстоятельствами: во-первыхъ, въ тотъ день, когда мы туда пришли, поднялся сильный буранъ, который продолжался и весь слѣдующій день, а во-вторыхъ, нужно было запастись дровами, такъ какъ, по заявленію Дусана, до самаго берега моря и на берегу совершенно нѣтъ топлива. Необходимо было взять запасъ, по крайней мѣрѣ, дней на 10. Мы могли теперь запастись больше, потому что количество продовольственныхъ припасовъ и фуража значительно уменьшилось и на верблюдахъ было много мѣста.

Буранъ во время путешествія былъ нашъ самый страшный врагъ. Особенно опасенъ буранъ на Усть-Уртѣ. Мѣстность совершенно открытая—вѣтру полное раздолье. Дѣйствительно, здѣсь постоянно вѣтеръ, иногда очень сильный и порывистый, большею частью юго или сѣверо-восточный. Когда разыграется снѣжный буранъ, то вѣтеръ до такой степени силенъ, что срываетъ и уноситъ не только палатку, но даже юламейку, укрѣпленную желѣзными приколами. Для того, чтобы

обезпечить себя, мы накладывали на кошму, кругомъ юлаеекъ, кули съ провiantомъ и фуражемъ и старались ставить ихъ какъ можно ближе одну къ другой. Все-таки верхъ часто открывался и доставлялъ намъ не мало безпокойства. Мы были такъ счастливы, что во все время поездки особенно сильныхъ бурановъ не было, а если и были, то какъ разъ въ то время, когда мы находились въ оазисахъ саксаула, гдѣ растительность значительно уменьшала порывы вѣтра.

Отъ колодца Иссенъ-Казаекъ мѣстность хотя и открытая, но холмистая. Начинають встрѣчаться горки по сторонамъ дороги и на самомъ пути. Горки эти не высоки, но съ крутыми, обрывистыми скалами. Дорога обходитъ крутыя возвышенности и на ней особенно крутыхъ подъемовъ и спусковъ нѣтъ.

Отъ колодца Турлугулъ начинается замѣтный спускъ къ морю уступами, совершенно въ видѣ большихъ ступеней, и мѣстность дѣлается все болѣе и болѣе пересѣченной. Начиная отъ Аманджула, по всей дорогѣ растетъ душистая трава джузанъ, составляющая прекрасный кормъ для животныхъ, почему здѣсь много киргизскихъ лѣтенокъ, но такъ какъ мы ѣхали зимою, то, конечно, не встрѣтили ни души.

Колодезь Тянке послѣдній передъ моремъ. Около него находится большое новое киргизское кладбище, весьма похожее на кладбище Даутъ у Айбугирскаго залива. Отсюда дорога сохраняетъ то же направление, какъ прежде, пока не упрется въ гору Джагылганъ, находящуюся на самомъ берегу Каспійскаго моря, хотя его съ дороги не видно. Дойдя до горы, дорога упирается въ отвѣсныя скалы, поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ на юго-западъ и спускается къ берегу по ущелью въ началѣ узкому, а потомъ постепенно расширяющемуся. По дорогѣ ущельемъ большія, глубокія промоины отъ потоковъ, низвергающихся съ горы весною, при таяніи снѣговъ. Спускъ мѣстами крутъ и неудобенъ.

Когда мы достигли поворота дороги у горы Джагылганъ, поднялся сильный буранъ. Грозныя, черныя тучи заволокли небо, особенно съ западной стороны—со стороны моря. Снѣгъ валилъ хлопьями; вѣтеръ былъ такъ порывистъ, что лошадь едва удерживалась на ногахъ, а пѣшіе люди принуждены были припадать иногда къ землѣ, чтобы ихъ не снесло. Пройдя съ большимъ трудомъ четыре версты по ущелью, я убѣдился, что дальше идти невозможно, хотя время еще было не позднее и до берега оставалось всего шесть верстъ. Рѣшили остановиться, тѣмъ болѣе, что на берегу, на совершенно открытой мѣстности, положеніе наше должно было еще ухудшиться. Выбрали укромное мѣстечко

среди отвѣсныхъ скалъ, площадку, закрытую со всѣхъ сторонъ, и рзавили юламейки.

Было 19-е декабря, слѣдовательно мы достигли моря, пройдя отъ Аму-Дарьи 445 верстъ въ 26 дней. Много трудовъ и работы пришлось на нашу долю, но за то цѣль была достигнута. Всѣ были веселы и довольны, точно добрались до какой-нибудь столицы или большаго города, гдѣ всѣ наши труды и лишения кончатся и гдѣ мы отдохнемъ на свободѣ среди изобилія и всевозможныхъ удобствъ. Особенно солдаты интересовались увидѣть, наконецъ, невиданную диковину—море. Весь вечеръ шли между ними самые оживленные разговоры, которые насъ очень потѣшали. Дѣлались разныя предположенія и догадки, но никто не догадался о томъ, что въ дѣйствительности предстояло увидѣть на слѣдующій день.

VI.

Каспійское море.—Прибрежная мѣстность.—Растительность.—Топливо.—Вода.—Бухта Яманъ-Айракты.—Отдыхъ.—Сторожъ Ванюшина.—Состояніе запасовъ.—Выступление въ обратный путь.—Морозы.—Поворотъ по новой дорогѣ.—Состояніе лошадей.—Ирбасанъ.—Спускъ Чибинъ.—Источеніе запасовъ.—Прибытіе въ Кунградъ.

На слѣдующее утро погода была прекрасная. Небо совершенно чистое, голубое, солнце ярко свѣтило. Морозъ спалъ до пяти градусовъ. Всѣ поднялись рано, живо уложились и двинулись къ цѣли путешествія.

Пройдя не болѣе двухъ верстъ по ущелью, постепенно расширявшемуся, мы достигли холма, съ котораго открылся видъ на Каспійское море, но видъ этотъ, восхитительный лѣтомъ, не представлялъ ничего интереснаго зимою: море было замерзши и покрыто сплошной, ровной пеленой блестящаго снѣга. Замерзаетъ море на четыре, иногда на пять мѣсяцевъ.

Впереди, прямо противъ насъ, возвышалась гора Яманъ-Айракты съ крутыми, обрывистыми скатами; вправо—такая же гора Джагылганъ. Обѣ онѣ опираются въ море совершенно отвѣсными скалами, представляющими два выдающіеся мыса, особенно отъ горы Яманъ-Айракты. Между этими мысами вдается въ материкъ правильнымъ оваломъ бухта. Крутой, обрывистый уступъ, совершенно подобный Чинку, соединяетъ обѣ горы, обходя бухту дугою, около двухъ верстъ отъ берега, и образуетъ обширную площадь, открытую только съ сѣверо-запада, съ моря. Бухта тоже защищена горами отъ вѣтровъ, кромѣ сѣверо-западнаго.

Самый берегъ очень пологій, но на разстояніи около 50-ти шаговъ онъ значительно поднимается въ видѣ отлогого уступа, дальше котораго волны никогда не заходятъ.

На самомъ берегу виднѣлись издалека двѣ юрты. Здѣсь живетъ съ семействомъ киргизъ сторожъ, нанимаемый купцомъ Ванюшинымъ для охраненія склада досокъ и большихъ чановъ для рыбы, находящихся тутъ съ 1879 года. Съ тѣхъ поръ рыбные транспорты сюда не приходили. Другихъ поселеній, на разстояніи болѣе 10-ти верстъ по берегу въ обѣ стороны, нѣтъ. Дальше встрѣчаются аулы киргизъ одаевцевъ, которые лѣтомъ часто посѣщаютъ бухту, но зимою совсѣмъ не показываются. Сторожъ живетъ бѣдно; юрты старыя и семейство его наряжено въ порядочные лохмотья, хотя нѣсколько лучше, чѣмъ кочевники, встрѣченные нами въ дорогѣ. Пришлось намъ и здѣсь разставить юлаейки, подобно тому, какъ въ степи, такъ какъ другаго помѣщенія не было.

На площадкѣ близъ берега растетъ трава, представляющая хорошій кормъ лошадямъ, но другой растительности, а слѣдовательно и топлива, нѣтъ совершенно. Семейство сторожа употребляетъ на топливо плохой кизякъ, отъ котораго распространяется сильное зловоніе. Верстахъ въ четырехъ отъ бухты растетъ камышъ, который можетъ быть употребленъ въ видѣ топлива ⁽¹⁾, но нѣтъ перевозочныхъ средствъ. Колесныхъ дорогъ близъ берега вовсе нѣтъ. Въ горныхъ ущельяхъ есть колочка. Недостатокъ топлива представляетъ одно изъ неудобствъ бухты Яманъ-Айракты ⁽²⁾.

Относительно воды условія тоже не очень выгодны. Весною пользуются водою изъ горныхъ потоковъ, происходящихъ отъ таянія снѣговъ. Горы съ твердымъ, гранитнымъ грунтомъ представляютъ много площадокъ, на которыхъ скопляется снѣговая вода, низвергающаяся въ море въ видѣ быстрыхъ потоковъ, отъ которыхъ образовались въ скалахъ глубокія промоины. Кромѣ того, на самомъ берегу есть большая яма, имѣющая правильную, четырехугольную форму съ возвышенными краями. Яма эта, какъ видно, выкопана нарочно и служитъ резервуаромъ снѣговой воды. Но всѣ эти средства водоснабженія пригодны только весною: лѣтомъ все высыхаетъ и приходится прибѣгать къ рытью колодцевъ. До воды здѣсь не глубоко, отъ одной до двухъ сажень, но

⁽¹⁾ Камышъ очень плохое топливо. Онъ быстро сгораетъ и не даетъ почти никакого тепла.

⁽²⁾ Въ настоящее время заливъ, къ которому принадлежитъ бухта Яманъ-Айракты, названъ заливомъ Цесаревича.

большую частью она оказывается соленою. Иногда, впрочемъ, находятъ и прѣсную воду. Я нашелъ на берегу два колодца: въ одномъ вода оказалась соленою, въ другомъ—прѣсною, хотя и не очень хорошаго качества. Въ окрестныхъ горахъ есть родники съ хорошей водой, но не ближе шести верстъ отъ бухты, причемъ доставка ея горами очень затруднительна по недостатку дорогъ.

Свойства самой бухты нельзя было опредѣлять. Въ 40 шагахъ отъ берега я замѣтилъ большой колъ, и сторожъ объяснилъ, что здѣсь останавливаются заѣзжающія сюда лодки для ловли рыбы, причемъ глубина нѣсколько больше роста человѣка. Я опредѣлилъ ее въ пять-шесть футовъ. Такимъ образомъ, если-бы здѣсь пришлось устроить пристань, то длина ея, считая низменную, заливаемую моремъ полосу берега, должна быть около 100 шаговъ. Матеріала для постройки, кромѣ камня, на мѣстѣ нѣтъ; онъ долженъ быть весь привезенъ.

Достигнувъ цѣли путешествія, мы рѣшили отдохнуть два дня. Отдыхъ былъ совершенно необходимъ какъ для людей, такъ и для животныхъ. Положимъ, мы шли не скоро, дѣлали среднимъ числомъ 16, 18 верстъ въ сутки, но почти безъ дневокъ и съ утомительной работой, такъ какъ люди все время тащили цѣпъ. Значительные морозы, доходившіе до 18-ти—20-ти градусовъ, также не мало утомили насъ. Теперь же отдыхъ былъ тѣмъ болѣе пріятенъ, что наступила оттепель и термометръ поднялся до 2° выше нуля.

Оставаться на берегу болѣе двухъ дней нельзя было вслѣдствіе плохаго состоянія продовольственныхъ запасовъ и фуража. Верблюды выискивали себѣ какое-то пропитаніе изъ подъ снѣга и даже жевали саксаулъ, но для лошадей этотъ кормъ не годился. Пришлось уменьшить дачу ячменя съ 10-ти фунтовъ въ день на восемь. Вопросъ о мясѣ стоялъ нѣсколько лучше: хотя у насъ его не оставалось, но оказалось возможнымъ купить.

На другой день по нашемъ пріѣздѣ сторожъ явился съ бараномъ и объявилъ, что «отецъ завѣщалъ ему подносить всѣмъ пріѣзжающимъ въ Яманъ-Айракты русскимъ гостямъ въ подарокъ барана». Едва-ли ему приходилось слишкомъ разоряться для исполненія отцовскаго завѣщанія, потому что, надо думать, мы были первыми его гостями. Нечего и говорить что это былъ наивный способъ получить отъ насъ приличный сѣлау⁽¹⁾. Вообще киргизы любятъ иногда выманить деньги хитростью, но хитрости ихъ отличаются большою наивною. Тѣмъ не менѣе пришлось одаривать, и баранъ этотъ стоилъ намъ гораздо до-

(1) Выраженіе «сѣлау» соответствуетъ русскому «на чай».

роже, чѣмъ если-бы мы его купили. Все-таки онъ пришелся очень кстати. Но одного барана намъ было мало. Я послалъ солдата переводчика съ Дусаномъ поискать барановъ по окрестностямъ и имъ удалось добыть еще двухъ, хотя за очень дорогую цѣну. Больше достать было невозможно.

Такимъ образомъ, мы обновили запасъ мяса, но все-таки онъ былъ крайне скуденъ и не могъ хватить до Кунграда. Дусанъ предложилъ мнѣ пройти ближе, свернувъ отъ колодца Аманджуль къ сѣверу, на колодезь Ирбасанъ. По этой дорогѣ мы должны были спуститься съ Чинка въ Айбугирскій заливъ по спуску Чибинъ. Хотя этотъ путь оказался короче всего на 10 верстъ, но я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе уже потому, что могъ нанести на планъ новую, неизвѣстную мнѣ дорогу и не ѣхать по старому, уже пройденному пути.

Была еще весьма важная причина, побудившая меня вернуться по другой дорогѣ. Пройденный путь оказался весьма удобнымъ для колеснаго движенія какъ по свойствамъ грунта, такъ и по другимъ условіяхъ. Онъ имѣлъ только одинъ громадный недостатокъ: почти стовѣрный безводный промежутокъ между подъемомъ Адчуль и колодцемъ Атабай и Ясыбай. Исправить этотъ недостатокъ было невозможно или, по крайней мѣрѣ, очень трудно, такъ какъ приходилось буравить землю и рыть артезіанскіе колодцы. Хотѣлось попробовать, нельзя-ли какъ нибудь обойти этотъ неудобный участокъ дороги. Еслибы это удалось и другая дорога, съ такими же выгодными условіями, только болѣе водная, была найдена, то вопросъ о возможности колеснаго движенія между Аму-Дарьей и Каспійскимъ моремъ былъ бы рѣшенъ удовлетворительно.

Два дня отдыха мы почти все время просидѣли дома. Если и ходили гулять, то только по берегу, на недалѣеое разстояніе. Доходилъ я до горы Яманъ-Айракты и замѣтилъ, что крутой скатъ ея упирается не прямо въ море, а продолжается длинной, узкой, низменной косой, еще болѣе охраняющей бухту отъ морскаго волненія. Бѣдить далеко было очень трудно: земля покрыта снѣгомъ, ни дороги, ни тропинки, на каждомъ шагѣ обрывы и провалы. Берегъ на далекое разстояніе къ сѣверу крутой, скалистый, совершенно неудобный для устройства пристани, а къ югу хотя бы и нашлось можетъ быть удобное мѣсто, но заливъ Карасу настолько мелководенъ, что для плаванія не только пароходовъ, но даже шкунъ не годится. Можно смѣло сказать, что бухта Яманъ-Айракты самое удобное, думать надо—единственное мѣсто для устройства пристани на всемъ сѣверо-восточномъ берегу Каспійскаго моря, какъ по краткости разстоянія отъ Аму-Дарьи, такъ и по свой-

ствамъ самаго моря, очень мелководнаго и наполненнаго черными ⁽¹⁾ по всему берегу.

23-го декабря мы простились съ Каспійскимъ моремъ и двинулись въ обратный путь. Теперь всѣмъ хотѣлось добраться поскорѣе до дома, но надо было вооружиться терпѣніемъ: путь въ 440 верстъ на верблюдахъ не малый и долго еще предстояло намъ мерзнуть въ пустынѣ Усть-Урта, пока достигнемъ Кунграда — предмета нашихъ желаній и стремленій.

Я сильно беспокоился о продовольствіи. На холоду нужно ѣсть больше и, кромѣ того, постоянное движеніе возбуждаетъ аппетитъ, удовлетворять который мы должны были съ большою умѣренностью. Возвращаясь до Аманджула по той же дорогѣ, работать не приходилось, и я повѣрялъ только нанесенную на планъ мѣстность, но солдаты все-таки не сажались на верблюдовъ и шли всю дорогу пѣшкомъ. Происходило это отчасти отъ того, что холода со дня нашего выступления все усиливались. 23-го декабря, въ день выступления, морозъ достигъ восьми градусовъ, а въ слѣдующіе дни все увеличивался до 20-ти. Ночью и особенно на зарѣ было еще холоднѣе. Въ это время мы больше всего терпѣли отъ холода, потому что топлива оставалось мало, а обновить его можно было только подходя къ колодезю Иссенъ-Казаккъ. Съ 1-го января погода затуманилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ и холодъ уменьшился.

Въ этой безлюдной, пустынной степи встрѣтили мы праздникъ Рождества Христова и новый годъ. Грустно было проводить торжественные, веселые дни въ такой печальной обстановкѣ. Остановокъ и дневокъ мы не дѣлали ни въ первый день Рождества, ни первый день новаго года: состояніе запасовъ вынуждало дорожить каждымъ днемъ.

31-го декабря дошли мы до Аманджула и свернули влѣво, къ сѣверу отъ прежней дороги. Опять началась съемка: я вооружился бусолью, солдаты потащили цѣпь. Мы были даже рады работѣ, потому что очень скучно было тащиться по этой неприглядной пустынѣ безъ всякаго занятія. Производя съемку, время проходило незамѣтно. По заявленію Дусана, дороги тутъ не было; мы шли прямо цѣлиною и должны были выйти на колодезь Торча-тюлей. Дѣйствительно, бусоль показывала, что мы шли по совершенно прямой линіи съ запада на востокъ, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво, цѣлыхъ 50 верстъ. По истинѣ изумительна способность киргизъ держать вѣрно направленіе въ степи, гдѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ оріентировочныхъ предметовъ. Нашъ про-

(1) Мели и очень мелководныя мѣста, тоже мелющіяся при убыли воды.

водникъ, съ какимъ-то особеннымъ чутьемъ, велъ насъ совершенно по прямой линіи. Тѣмъ не менѣе и онъ, въ концѣ концовъ, заблудился.

Когда мы прошли по новому направленію около 40 верстъ, передъ нами зачернѣлъ лѣсъ. Это былъ тотъ самый громаднѣйшій оазисъ саксаула, въ которомъ находится колодезь Сумбе. Въ первый разъ мы подошли къ нему съ южной стороны, теперь подходили съ западной. Мѣстность сдѣлалась пересѣченною и мы переваливались съ холма на холмъ иногда по крутымъ скатамъ. Между тѣмъ уже начало темнѣть, а обѣщанный Дусаномъ колодезь не показывался. Онъ подъѣхалъ ко мнѣ, сознался, что заблудился, и просилъ остановиться. Положеніе выходило довольно скверное: конечно, въ концѣ концовъ, онъ отыскалъ бы дорогу, но на это могло потребоваться два, три дня, пожертвовать которыми было невозможно. Не оставалось ни хлѣба, ни мяса; даже все баранье сало покончили. Къ счастью, въ это время послышался вдали собачій лай. Оказалось, что мы набрали случайно на кочевку киргизъ. Не говоря уже о томъ, что они могли указать нашему проводнику дорогу, я вздумалъ попробовать, нельзя-ли достать у нихъ барана. Попытка удалась—киргизы продали барана, хотя и за баснословную цѣну. Эта неожиданная случайность избавила насъ отъ необходимости прибѣгать къ конинѣ.

Путь отъ Аманджула былъ крайне неудобенъ для ѣзды верхомъ. Земля была покрыта снѣгомъ, подъ которымъ находился слой песку, нѣсколько примерзшій и отвердѣвшій сверху. Тамъ, гдѣ мы шли, слой песка тонкій, но нѣсколько сѣвернѣе онъ гораздо глубже; мѣсто это называется пески Найза. Во время движенія лошади, ступая по снѣгу, продавливала песокъ, такъ что все время спотыкалась то на переднія, то на заднія ноги, а иногда на двѣ сразу, причемъ сидѣть на ней было крайне безпокойно. Замѣчательно, что верблюды, которые гораздо тяжелѣе лошади, не проваливались. Вѣроятно происходило это отъ того, что у верблюда ступня широкая и плоская, а у лошади копыто небольшое и острое. Пѣшихъ людей подмерзшій песокъ выдерживалъ.

Лошади наши истомились и нѣкоторыя были негодны для ѣзды, такъ что С. Д. Гескету пришлось примѣнить къ дѣлу двухколесную телѣжку, взятую для измѣренія дороги, о которой я упоминалъ выше. Не говоря уже о томъ, что таратайка эта была очень маленькая и въ высшей степени тряская, ѣхать на ней было непріятно потому, что запряженный въ нее верблюдъ, для котораго ходить въ упряжи было невиданное дѣло, шелъ очень неровно, сворачивая въ стороны и угрожая каждую минуту перевернуть жалкій экипажъ. По пути къ морю эта телѣжка употреблялась подъ топливо, со-

бираемое по дорогѣ для ночлеговъ, такъ какъ у самыхъ колодцевъ его почти нигдѣ нельзя найти, и это назначеніе ея было очень цѣлесообразно, но для перевозки людей она никуда не годилась. Впрочемъ, все-таки лучше было ѣхать на этой печальной колесницѣ, чѣмъ верхомъ на верблюдѣ. Мой спутникъ такъ счумѣлъ приспособиться къ экипажу, что даже ухитрился читать во время дороги. Такимъ образомъ, лошади шли подъ верхомъ только черезъ два дня на третій и, не смотря на такую легкую службу, едва дотащились до Кунграда. Послѣдніе два дня вовсе не было фуража и онѣ жевали только камышъ, встрѣченный въ Айбугирскомъ заливѣ. Молодой камышъ степныя лошади еще кое-какъ ѣдятъ, но старый, попадавшійся намъ, никуда не годится какъ кормъ.

Киргизъ, взятый изъ аула, вывелъ насъ на дорогу и на слѣдующій день дошли до колодца Ирбасанъ, находящагося среди саксауловаго оазиса. Въ его окрестностяхъ много киргизскихъ зимовокъ, хотя вода въ немъ немного солоновата. Дорога въ этомъ мѣстѣ, проходя саксауловымъ лѣсомъ по буграмъ и кочкамъ, очень не хороша и не годилась для колеснаго движенія. Слѣдуя дальше мимо колодца Кара-кудукъ и засыпаннаго колодца Али-бекъ⁽¹⁾, мы достигли наконецъ Чинка у спуска Чибинъ и увидѣли передъ собою Айбугирскій заливъ.

У спуска Чибинъ уступъ Усть-Урта вдается внутрь въ видѣ воронки. Вначалѣ скатъ крутой и узкій, но на весьма небольшомъ разстояніи. Для колеснаго движенія приходилось разработать и уширить дорогу не болѣе какъ на 20 сажень. Далѣе спускъ дѣлается все шире и отложе. Длина его до подошвы около двухъ верстъ. По сторонамъ его окаймляютъ совершенно отвѣсныя скалы Чинка. Для того, чтобы дойти до Кунграда отъ Чибина, нужно пройти 60 верстъ, перерѣзавъ Айбугирскій заливъ наискось, по діагонали. Дорога здѣсь арбяная, лучше чѣмъ отъ спуска Адчулъ, болѣе ѣзжена и нѣтъ болотъ. Мѣстами она пролегаетъ по камышамъ, а мѣстами, особенно въ серединѣ залива, буграми и кочками. Въ 35-ти верстахъ отъ Чибина встрѣтили два небольшихъ озера, скорѣе пруда, называемыя Иръ-али-хачъ-ханъ. Вода въ нихъ прѣсная и они, какъ я узналъ впоследствии, изобилуютъ рыбой. Сорта рыбы здѣсь простые, но съѣдобные и въ такомъ количествѣ, что можно, войдя въ воду, хватать рыбу руками и выбрасывать на берегъ. Около озера Иръ-али-хачъ-ханъ водятся преимущественно кабаны, о которыхъ я упоминалъ выше.

⁽¹⁾ Въ 1883 г. этотъ колодезь былъ расчищенъ, но вода оказалась очень соленая.

Спустившись съ Чибина и пройдя восемь верстъ низомъ, мы остановились на ночлегъ и покончили послѣднія крохи нашихъ запасовъ. У насъ не оставалось ни мяса, ни сахару, ни табаку, однимъ словомъ ничего, кромѣ чая.

До Кунграда оставалось 50 верстъ.

На слѣдующее утро выступили рано, надѣясь въ тотъ же день добраться до Кунграда, но это оказалось невозможнымъ. По трудной дорогѣ буграми и кочками усталые верблюды и лошади едва передвигали ноги. Поздно вечеромъ поднялись мы на восточный берегъ залива и вынуждены были остановиться въ восьми верстахъ отъ Кунграда.

Послѣдній ночлегъ былъ и печальный, и веселый. Печальный — потому, что приходилось голодать уже вторые сутки, веселый — потому, что выбрались наконецъ изъ пустыни въ населенный край.

На слѣдующій день, 8-го января, около полудня, торжественно вступили въ Кунградъ, сопровождаемые такою же толпою зрителей, какъ при выѣздѣ. Кунградцы глазѣли на насъ, весело улыбаясь. Нашъ отъѣздъ надѣлалъ много шума въ городѣ. Къ успѣшному окончанію предпріятія относились съ крайнимъ недовѣріемъ и теперь точно обрадовались, что мы возвратились цѣлы и невредимы. Дѣйствительно, кромѣ одной заболѣвшей лошади, всѣ вернулись, хотя и утомленные, но здоровые и веселые. Во все время никто изъ насъ ни раза не хворалъ и взятыя мною лекарства пріѣхали въ совершенной цѣлости.

Прощаясь съ Усть-Уртомъ, я долженъ замѣтить, что о немъ до сего времени имѣли самыя сбивчивыя и невѣрныя свѣдѣнія не только въ европейской Россіи и въ Туркестанѣ, но даже по сосѣдству, въ Петро-александровскѣ. Караванъ Ванюшина съ рыбой прошелъ, не оставивъ за собою слѣдовъ. Когда я собирался въ путь, меня много смущали рассказами о непроходимыхъ пескахъ, о недостаткѣ воды, топлива, о страшныхъ буранахъ и т. д. Длина пути по распроснымъ свѣдѣніямъ доходила до 700 верстъ.

Все оказалось совершенно невѣрнымъ.

Правда, что отрядъ нашъ, прошедшій черезъ Усть-Уртъ въ хивинскую экспедицію 1873 года, натерпѣлся много бѣдъ, но онъ шелъ не по нашей дорогѣ, а отъ залива Киндерли, и захватилъ только небольшой участокъ нашего пути, отъ колодца Ирбасанъ до спуска Чибинъ. Участокъ этотъ дѣйствительно самый плохой: безводный переходъ въ 45 верстъ и колодцы съ солоноватой водой. Кромѣ того, отрядъ пустился безъ предварительной основательной рекогносцировки пути, что, безъ сомнѣнія, должно было поставить его въ трудное положеніе. Здѣшнія дороги, вѣрнѣе верблюжьи тропинки, едва намѣчены, поспѣ-

щаются очень рѣдко и часто исчезаютъ. Есть также много тропинокъ, пробитыхъ кочующими киргизами при переходахъ съ мѣста на мѣсто. Слѣдуя по нимъ, можно много кружить и, въ концѣ концовъ, остановиться среди степи, потому что тропинка вдругъ пропадаетъ. Наконецъ, вода въ колодцахъ оказывается затхлою вслѣдствіе недостатка эксплуатаціи. Все это должно было отозваться весьма неблагоприятно на успѣшности движенія отряда.

Пройдя, въ свою очередь, черезъ Усть-Уртъ въ два пути, я нашелъ его вовсе не такимъ страшнымъ и неприступнымъ, какъ его описывали. Дорога всюду твердая и ровная, значительныхъ неровностей, кромѣ подъема на Чинкъ и спуска съ горы Джагылганъ, совсѣмъ нѣтъ. Песковъ тоже не встрѣчается. Вода есть вездѣ и колодцы обложены камнемъ, что доказываетъ, что путь этотъ былъ нѣкогда эксплуатированъ. Топлива саксаула имѣются большіе запасы въ двухъ мѣстахъ и, сверхъ того, онъ встрѣчается въ небольшомъ количествѣ по всей дорогѣ, кромѣ участка отъ колодца Иссенъ-Казакъ до Каспійскаго моря. Кормъ для животныхъ тоже есть, особенно ближе къ морю. Страну эту даже нельзя назвать совершенно пустынною, потому что здѣсь всегда можно встрѣтить аулы киргизъ одаевцевъ. Зимой они кочуютъ на участкѣ отъ Кунграда до Аманджула, гдѣ растетъ много саксаула, а лѣтомъ—отъ Аманджула до Каспійскаго моря, гдѣ много кормовъ. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ больше попадаетъ ауловъ; особенно много ихъ у колодцевъ Кара-баянъ и Тянке.

VII.

Отъ Кунграда до Нукуса. — Отъ Нукуса до Петроалександровска. — Отдыхъ. — Выѣздъ изъ Петроалександровска. — Качалка. — Выборъ пути. — Бухарская граница. — Пески. — Урочище Халъ-ата. — Карнизы. — Каракъ-ата. — Перемѣна дороги. — Тугась-Тюбе. — Послѣдній переходъ. — Переправа черезъ Зеравшанъ. — Пейшамбе. — Возвращеніе въ Ташкентъ.

Хотя мы и достигли благополучно Кунграда, но путешествіе далеко не было кончено. Нужно было еще проѣхать 300 верстъ до Петроалександровска и 640 верстъ отъ Петроалександровска до Джизака, слѣдовательно около 1,000 верстъ степью — путь не близкій.

Такъ какъ Джаны-Дарья замерзла и ледъ былъ крѣпкій, то можно было идти на Нукусъ прямо, частью по самой рѣкѣ, частью по берегамъ. Это самая близкая дорога, и мы легко достигли Нукуса на третій день пути.

Двигаться приходилось все время въ камышахъ, толстыхъ и очень высокихъ, выше роста человѣка. Рассказываютъ, что именно въ этихъ камышахъ водится много тигровъ, но я не только не встрѣчалъ ихъ, но даже рева не слышалъ. Что въ дельтѣ Аму-Дарьи водятся тигры,—это вѣрно, но далеко не въ томъ количествѣ, какъ говорятъ. Особенно въ послѣднее время, съ увеличеніемъ осѣдлаго или почти осѣдлаго народонаселенія, число тигровъ уменьшилось и встрѣчать ихъ случается очень рѣдко.

Протокъ Джаны-Дарья хотя достаточно глубокъ для движенія судовъ, но не широкъ и слой льда на немъ настолько толстъ, что можетъ выдержать какую угодно тяжесть. Замерзаетъ онъ каждую зиму на болѣе или менѣе продолжительное время. Поселеній на берегахъ все нѣтъ, что совершенно понятно, такъ какъ мѣстность эта подвержена разливамъ. Только начиная отъ вершины дельты, гдѣ Аму-Дарья раздѣляется на рукава, недалеко отъ Ходжейли, появляются деревья и начинаются населенныя мѣста.

При движеніи выбранною нами дорогою не было надобности заходить въ Ходжейли. Мы перешли Аму-Дарью по льду, тоже достаточно крѣпкому, и прибыли прямо въ Нукусъ. Впрочемъ на Аму-Дарьѣ ледъ далеко не такъ крѣпокъ, какъ на Джаны-Дарьѣ, и если зима теплая, то переправа тяжело нагруженныхъ арбъ не совсѣмъ безопасна; люди же и лошади всегда могутъ переходить спокойно.

Отъ Нукуса до Петроалександровска разстояніе измѣрено, 179 верстъ, и дорога все время идетъ берегомъ Аму-Дарьи, по населенной и обработанной странѣ, причемъ отдѣлить одинъ кишлакъ отъ другаго трудно, такъ какъ они также разбросаны, какъ въ окрестностяхъ Петроалександровска и въ Хивинскомъ ханствѣ. Въ одномъ мѣстѣ, между Ходжакулемъ и Бій-базаромъ, приходится перейти черезъ небольшую каменистую гряду, упирающуюся въ самый берегъ. Было предположеніе устроить между Нукусомъ и Петроалександровскомъ почтовый трактъ. Станціи построили, но лошадей не содержатъ, потому что движеніе самое ничтожное, далеко не выкупающее ихъ содержаніе.

Станціи хорошо выстроены, большія и удобныя. Подобно большинству построекъ на Аму-Дарьѣ, онѣ окружены высокою, глинобитною стѣною, внутри которой большой дворъ съ навѣсами для лошадей. Въ переднемъ фасѣ стѣны посерединѣ ворота и съ одной стороны комнаты для проѣзжающихъ, а съ другой—помѣщеніе сторожа. На станціяхъ можно достать кое-что закусить и даже получить самоваръ.

Самое большое поселеніе на дорогѣ—мѣстечко Бій-базаръ, раскинувшееся на нѣсколько верстъ. Тутъ было нѣкогда хивинское укрѣпленіе.

Отъ него до Шейхъ-абасъ-али, послѣдней станціи передъ Петроалександровскомъ, 40 верстъ. Кстати здѣсь упомянуть и о томъ, какіе мастера туркестанскіе солдаты ходить. Только что мы пришли въ Шейхъ-абасъ, около 4-хъ часовъ пополудни, сдѣлавъ переходъ въ 40 верстъ, ко мнѣ явились двое изъ нашихъ солдатъ, Симоновъ и Осиповъ, съ просьбою разрѣшить имъ сейчасъ же идти въ Петроалександровскъ. Зная, что они вполне благонадежные люди, я согласился на ихъ просьбу и далъ имъ письмо къ К. Я. Краббе, извѣщавшее о нашемъ возвращеніи. Съ ружьями на плечахъ, въ плохихъ тулупахъ и сапогахъ почти безъ подошвъ, они пустились въ путь, пришли въ Петроалександровскъ въ часъ ночи, пройдя еще 29 верстъ, и тотчасъ явились полковнику совершенными молодцами. Сдѣлать переходъ въ 79 верстъ конечно возможно, но съ мѣста, а пройдя передъ тѣмъ, при самой тяжелой обстановкѣ, 1,250 верстъ—штука не легкая.

20-го января пріѣхали мы въ Петроалександровскъ и были встрѣчены въ высшей степени любезно. Носились слухи, что мы погибли, и получилось распоряженіе изъ Ташкента послать розыскивать насъ. Къ счастью все кончилось благополучно,—мы вернулись цѣлы и невредимы и, кромѣ того, попали въ столицу Аму-Дарьинскаго отдѣла въ самый разгаръ зимняго сезона.

Оставался я въ Петроалександровскѣ около трехъ недѣль: во-первыхъ, нужно было отдохнуть, потому что уже чувствовалась усталость; впереди же предстоялъ опять не легкій путь, а во-вторыхъ, хотѣлось подождать, пока погода потеплѣетъ—очень ужъ мы иззяблись и промерзли. Обстановка дороги дѣлалась теперь гораздо хуже, потому что я сдалъ казенныя юламейки и приходилось ночевать въ степи подъ открытымъ небомъ, что на морозѣ совсѣмъ не выгодно. Покупать новыя юламейки или юрты не стоило, да и было намъ не по карману. Приходилось опять нанимать верблюдовъ, опять запасаться фуражемъ и продовольствіемъ. Къ счастью еще нанятый мною верблюдовожатый зналъ дорогу и можно было обойтись безъ найма проводника. Даже новыхъ лошадей мы не могли купить. Одинъ изъ моихъ коней выдержалъ походъ лучше другихъ и могъ дойти до Джизака; другой, у котораго былъ параличъ заднихъ ногъ, тоже поправился настолько, что могъ иногда идти подъ сѣдломъ, но лошади С. Д. Гескета были въ такомъ плачевномъ видѣ, что онъ порѣшилъ ихъ бросить и ѣхать на верблюдахъ, въ качалкѣ. Хотя оно и не красиво, но иначе поступить нельзя было.

Качалка представляетъ небольшой, продолговатый деревянный ящикъ, который привѣшивается къ одному боку верблюда, а къ другому противовѣсь, равный вѣсу ящика съ сидящимъ въ немъ человѣкомъ. Если

ѣдутъ двое, то можно привѣшивать съ обѣихъ сторонъ верблюда по качалкѣ. Длина ящика такъ незначительна, что вытянуть ногу нельзя и приходится все время сидѣть съ согнутыми колѣнями. Самое названіе показываетъ, что при движеніи верблюда этотъ экипажъ все время качается и на непривычныхъ людей оказываетъ такое же вліяніе, какъ морская качка. Чтобы сѣсть въ качалку или выйти изъ нея, верблюда заставляютъ согнуть колѣни и лечь; когда путешественникъ помѣстился и устроился, верблюда поднимаютъ. Это самая неприятная минута и нужно крѣпко держаться, чтобы не вылетѣть. Это довольно первобытный и, смѣю сказать, очень неприятный способъ путешествія.

Послѣ трехнедѣльнаго отдыха мы собрались съ силами и бодро пустились въ послѣднее путешествіе.

Какъ я уже говорилъ раньше, изъ Петроалександровска въ Ташкентъ можно проѣхать четырьмя путями: на Казалинскъ, на Перовскъ, на Джизакъ и черезъ Бухару на Катта-Курганъ. Самая употребительная изъ этихъ дорогъ—на Казалинскъ, хотя она самая кружная, потому что, проѣхавъ 495 верстъ до Казалинска ⁽¹⁾, приходится сдѣлать еще около 1,000 верстъ на почтовыхъ отъ Казалинска до Ташкента. Не смѣю сказать, чтобы она была удобна. Хотя можно проѣхать въ тарантасѣ, конечно на верблюдахъ, но приходится ѣхать 300 верстъ глубокими песками и пользоваться очень плохой водой. Особенно затруднительно сообщеніе раннею весною, и я знаю нѣкоторыхъ, много потерпѣвшихъ на этомъ пути. Дорога на Перовскъ нѣсколько ближе; хотя на верблюдахъ приходится ѣхать около 600 верстъ, за то на почтовыхъ только 580. Здѣсь тоже большіе пески, Кызыль-кумы ⁽²⁾, и плохая вода. На Джизакъ ведутъ двѣ дороги: одна сѣвернѣе, проходящая вся въ предѣлахъ Россіи, черезъ урочище Тамды; другая—южнѣе, проходящая отъ урочища Ичке-яръ на Аму-Дарьѣ до колодца Масчи по сѣверной, совершенно пустынной части бухарскихъ владѣній. У колодца Масчи, верстахъ въ 180-ти отъ Джизака, обѣ дороги сходятся. Наконецъ четвертая, по которой мы уже ѣхали,—черезъ городъ Бухару.

Мы выбрали южную дорогу на Джизакъ, по разстоянію самую короткую, въ 640 верстъ, но до сего времени мало эксплуатированную и почти не посѣщаемую, хотя по ней счастливо прошелъ туркестанскій отрядъ, принимавшій участіе въ Ахаль-текинской экспедиціи, въ 1880 году. Дорога эта, какъ я слышалъ, довольно удобна, только нужно пройти полосу песковъ, верстъ около 90 ширины, отъ Учъ-Учака на

⁽¹⁾ Обыкновенно этотъ перѣздъ дѣлается въ 12 дней.

⁽²⁾ «Кызыль-кумъ» въ переводѣ—красный песокъ; Кара-кумъ—черный песокъ.

Аму-Дарьѣ до урочища Халъ-ата. Говорили, что пески очень глубоки и трудно черезъ нихъ перебраться.

Первыя 100 верстъ, до урочища Учъ-учакъ, приходилось идти все время по берегу Аму-Дарьи. Здѣсь населенность гораздо меньше, чѣмъ къ сѣверу отъ Петроалександровска. Только на первомъ переходѣ встрѣчаются осѣдлые жители, да и тутъ нужно перейти черезъ полосу довольно глубокихъ песковъ. Злополучный Петроалександровскъ со всѣхъ сторонъ окруженъ надвигающимися на него песками, удержать которые средствъ еще не нашли, и весьма вѣроятно, что поселеніе это придется покинуть въ недалекомъ будущемъ. Конечно, можетъ быть найдутъ возможнымъ задержать пески, — тогда городъ уцѣлѣетъ. Далѣе по дорогѣ до урочища Ичке-яръ, пограничнаго пункта съ Бухарой, встрѣчаются только маленькіе, бѣдные аулы, и то весьма рѣдко; въ бухарскихъ же владѣніяхъ совершенная пустыня. Не доѣзжая Ичке-яра, на урочищѣ Мешекли, до котораго можно доѣхать отъ Петроалександровска въ экипажѣ, находятся развалины большой глиняной постройки. Вѣроятно здѣсь былъ нѣкогда караванъ-сарай, а можетъ быть это зданіе имѣло и другое назначеніе.

Самая граница рѣшительно ничѣмъ не обозначена. Небольшая каменная гряда упирается въ берегъ Аму подъ названіемъ урочища Ичке-яръ — вотъ и все. Вообще надо замѣтить, что граница между сѣверной Бухарой и Россіей ничѣмъ не опредѣлена и въ полномъ смыслѣ слова гадательная. Населенія, кромѣ двухъ или трехъ пунктовъ, нѣтъ никакого, да и на этихъ-то пунктахъ, на большомъ караванномъ пути изъ Бухары въ Казалинскъ, живутъ три-четыре семьи киргизъ, не болѣе. Кочевниковъ тутъ тоже мало, а если и есть, то съ бухарской стороны, съ русской же близко проходить Кызылъ-кумы. Однимъ словомъ, проведена на картѣ черта, названа границей — и дѣло кончено. До какой степени мало извѣстны эти страны — можно заключить изъ того, что даже въ Ташкентѣ мнѣ случалось слышать, что можетъ быть и хороша дорога изъ Джизака черезъ Учъ-учакъ на Петроалександровскъ, но какъ же по ней ѣздить, когда она проходитъ бухарскими владѣніями? Вѣдь не пропустить! Въ дѣйствительности же можно изполосовать всю сѣверную часть ханства и не встрѣтить ни души, хотя, кромѣ полосы песковъ у Аму-Дарьи, почва здѣсь хорошая и способная къ обработкѣ. Бѣда въ томъ, что воды мало: кромѣ колодцевъ — ничего. Впрочемъ я слышалъ, что къ югу отъ небольшого хребта Кульжукъ-тау, направляющагося съ востока на западъ и близъ котораго проходитъ дорога, есть прекрасныя пастбища; сюда пригоняютъ въ извѣстное время года на подножный кормъ скотъ, принадлежащій бухарскому

эмиру. Перейдя границу, мы достигли Учъ-учака. Дорога огибааетъ склонъ горы близко отъ вершины, гдѣ находятся три холма, отъ которыхъ самая гора получила названіе, и спускается къ озеру Сардаба-куль. Вода въ озерѣ очень чистая и прозрачная. На берегу, близъ дороги, находятся развалины караванъ-сарая. Озеро Сардаба-куль производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, особенно на путниковъ, прошедшихъ передъ тѣмъ 100 верстъ глубокими, безводными песками. На берегу много высокаго камыша и есть также другая растительность, такъ что топливо ищется. Впрочемъ, почти отъ самаго озера начинаются пески, а слѣдовательно и саксаулъ.

Пески глубокіе и дорога извивается между большими барханами, покрытыми рѣдкимъ саксауломъ, но я не могу согласиться, чтобы они были ужъ такъ страшны и непроходимы. По моему мнѣнію, пески между Каракулемъ и Усты гораздо труднѣе для проѣзда. Здѣсь дорога не измѣняется постоянно, какъ тамъ; это можно заключить изъ того, что по всей дорогѣ повѣшены на кустахъ саксаула, въ видѣ указателей, черепа и остоны верблюдовъ, павшихъ при слѣдованіи нашего отряда во время хивинской экспедиціи, въ 1873 году. При переходѣ этихъ совершенно невѣдомыхъ песковъ пало дѣйствительно громадное количество верблюдовъ, и ихъ кости, валяющіяся по всей дорогѣ, производятъ непріятное впечатлѣніе. Воды на разстояніи 60-ти верстъ отъ Сардаба-куля нѣтъ ни капли, да и пройдя эти 60-ти верстъ доходятъ до колодца Адамъ-Крылганъ ⁽¹⁾, находящагося верстахъ въ двухъ въ сторону отъ дороги и найти который очень трудно людямъ, не знающимъ въ совершенствѣ здѣшнюю мѣстность, а такихъ людей очень мало, потому что путь почти не эксплуатируется. Говорятъ, что на этомъ большомъ переходѣ есть еще колодезь Алты-Кудукъ, верстахъ въ восьми къ сѣверу, найденный нашими войсками въ 1873 году, но я тамъ не былъ, почему ничего достовѣрнаго о немъ сказать не могу.

Въ 40 верстахъ отъ Адамъ-Крылгана находится родникъ Халъ-ата и кончаются пески. Участокъ песковъ самый трудный на всемъ пути и можетъ дѣйствительно представить много затрудненій при проѣздѣ, но нельзя сказать, что онъ непроходимъ. Тарантасъ, запряженный верблюдами, здѣсь пройдетъ. Что же касается до воды, то 60 верстъ еще не составляютъ неодолимаго препятствія, лишь бы колодезь Адамъ-Крылганъ былъ хорошо извѣстенъ. Его весьма легко не найти и тогда придется пройти безъ воды уже не 60, а 100 верстъ ⁽²⁾.

(1) Адамъ-Крылганъ въ переводѣ—«гибель человека».

(2) Въ 1883 году я чуть не погибъ въ здѣшнихъ пескахъ, не найдя Адамъ-Крылгана.

Урочище Халъ-ата представляет небольшой холмъ, на которомъ находится старое киргизское кладбище съ развалившимися могилами. У подножія холма родникъ и нѣсколько деревьевъ. Хотя топлива въ окрестностяхъ совсѣмъ нѣтъ, но эти деревья сохраняются какъ святыня. Туземцы ни за что ихъ не тронуть. Дѣйствительно, грѣшно трогать ихъ: они какъ-то успокоиваютъ глазъ и доставляютъ отдыхъ душѣ печальнаго путника по этимъ громаднымъ пустынямъ. Здѣсь въ 1873 году было устроено русское укрѣпленіе, названное именемъ Св. Георгія. Отъ самаго укрѣпленія не осталось слѣдовъ, торчатъ только кое-гдѣ стѣны небольшихъ глиняныхъ построекъ, но крыши нѣтъ вовсе, такъ что проѣзжающимъ негдѣ укрыться отъ дождя и непогоды. Кругомъ пустынная и голая степь. Вообще мѣсто печальное и негостепріимное.

Пройдя 11 верстъ отъ Халъ-ата, мы достигли урочища Джингилды, находящаго у западной оконечности хребта Кульжукъ-тау. Здѣсь опять старое киргизское кладбище на холмѣ и родникъ, но растительности нѣтъ. Въ родникѣ, образующемъ ручей, прекрасная, чистая, прозрачная вода.

Отъ Джингилды дорога раздѣляется: одна обходитъ горы съ сѣверной стороны, другая—съ южной. Сѣверная хотя верстъ на 10 короче, но невыгодна тѣмъ, что на ней почти нѣтъ воды. По южной же встрѣчаются колодцы съ хорошей водой. Топлива нѣтъ нигдѣ. Мы сначала пустились было по сѣверной, но потомъ перешли на южную, по тропинкѣ, переваливающей черезъ хребетъ. Горы хотя не высокія, но скалистыя и мало доступныя. Впрочемъ, черезъ нихъ есть нѣсколько тропинокъ, проходящихъ ущельями. Приходится иногда идти карнизомъ, но не длиннымъ и не узкимъ, далеко легче тѣхъ, по которымъ мнѣ случалось ѣздить въ хребтѣ Борохоро на китайской границѣ и въ самаркандскихъ горахъ.

Карнизомъ называется тропинка, идущая вдоль склона горы, шириною въ одинъ, много въ два шага, большею частью неровная и каменистая. Съ одной стороны, крутая, иногда отвѣсная скала, съ другой—такой-же обрывъ, часто въ пропасть. Разтѣхаться на карнизѣ двумъ встрѣчнымъ очень трудно, иногда невозможно: приходится одному лазить черезъ другаго съ опасностью жизни. Поэтому при вѣздѣ на карнизъ и во время слѣдованія по немъ киргизы громко кричатъ: этимъ они предвѣщаютъ встрѣчныхъ, чтобы ожидали при вѣздѣ. Впрочемъ встрѣчи случаются рѣдко—ѣзда малая. Для ѣзды по карнизамъ нужна привычка и новичку иногда плохо приходится, потому что дѣлается головокруженіе, особенно если посмотрѣть внизъ. Этого отнюдь не слѣдуетъ дѣлать. Не нужно также спѣшиваться при вѣздѣ на кар-

низъ; ошибочно предполагать, что пѣшему пройти легче. Степная лошадь, если ей дать свободу и не затягивать поводъ, пройдетъ гораздо лучше чело-вѣка. Разъ чело-вѣкъ привыкнетъ къ карнизамъ, они не производятъ на него никакого впечатлѣнія. Не только мужчины, но и женщины-киргизки ѣздятъ совершенно спокойно по карнизамъ не болѣе одного шага ширины, да еще верхомъ на быкѣ и съ люлькой въ рукахъ. Однажды мой про-водникъ въ горахъ Борохоро, погнавшись за барсукомъ, пустилъ ло-шадь по карнизу, шага въ два ширины, вскачъ—и ничего. Впрочемъ, на такія штуки пускаются только киргизы-джигиты, для которыхъ, когда они верхомъ, какъ говорится, море по колено.

Погода во время пути намъ довольно благопріятствовала. Только очень скучно было тащиться цѣлый день съ верблюдами, которые шли три-четыре версты въ часъ.

Подходя къ урочищу Каракъ-ата, по дорогѣ встрѣчалось много со-лончаковъ и порядочно натерпѣлись мы, перебираясь чрезъ нихъ. Путѣ-шествовать по замерзшимъ, покрытымъ тонкимъ слоемъ снѣга солон-чакамъ—то-же самое, что идти по голому льду. Верхомъ ѣдешь—ноги лошади разъѣзжаются, едва усидѣть можно; пѣшкомъ идешь—собствен-ныя ноги разъѣзжаются. Даже верблюды, со своими широкими, плос-кими ступнями, не могли проходить спокойно по солончакамъ: то одна нога отъѣдетъ, то другая.

Наконецъ проѣхали полдороги и подошли къ урочищу Каракъ-ата, находящемуся на большомъ караванномъ пути изъ Бухары въ Каза-линскъ. Хребетъ Кульжукъ-тау кончился, кругомъ опять ровная степь. Одинокій холмъ, далеко видимый, на немъ киргизское кладбище, нѣ-сколько деревьевъ и родникъ—вотъ Каракъ-ата. Здѣсь живутъ два или три киргизскія семейства. Они отчасти сторожатъ кладбище, отчасти содержатъ постоянный дворъ и можно отдохнуть въ саклѣ, хотя очень не замысловатой, а все-таки подъ кровлей. У нихъ можно достать лепешекъ, кишмишу, муки и джугары для лошадей; даже пилау иногда подадутъ, если только есть баранина, что далеко не всегда случается, особенно лѣтомъ, когда мясо скоро портится. Цѣны, конечно, за все невѣроятныя: мнѣ случалось платить здѣсь четыре рубля за пудъ сквернѣйшей, совсѣмъ сѣрой муки, цѣна которой много-много рубль, и 11 руб. за батманъ ⁽¹⁾ джугары, стоящей въ Бухарѣ не болѣе трехъ рублей. Однимъ словомъ, за все вчетверо. Да и то хорошо! Безъ этой помощи путнику въ степи, если не хватить запасовъ, погибать при-ходится,—спасенья нѣтъ.

(1) Въсь батмана бываетъ различныхъ, отъ 8-ми до 11-ти пудовъ.

Достигнувъ Каракъ-ата, мы начали разсуждать—что намъ дѣлать? Запасовъ у насъ было мало, денегъ—тоже очень немного. Продолжая путь на Джизакъ, нужно было пройти еще болѣе 300 верстъ, а съ нашими плохими верблюдами сдѣлать скоро такой конецъ трудно было разсчитывать. Ближайшимъ пунктомъ по птичьему полету былъ Катта-Курганъ, но это по птичьему полету, а если идти по дорогѣ, то нельзя было достигнуть Катта-Кургана иначе, какъ пройдя въ окрестностяхъ гор. Бухары, что составляло большой крюкъ. Слѣдовательно — тоже невыгодно. Въ такомъ затруднительномъ положеніи мы остановились на самомъ простомъ рѣшеніи: ближайшимъ городомъ по птичьему полету былъ Катта-Курганъ, то и нужно идти къ нему по птичьему полету, иначе говоря—дѣлиною, безъ дороги. Пускаться въ неизвѣстную степь болѣе чѣмъ на 150 верстъ безъ дороги—дѣло не совсѣмъ удобное, но мы успокоивались, во-первыхъ, увѣреніемъ жителей Каракъ-ата, что песковъ нѣтъ и пройти можно, а во-вторыхъ — надеждою достигнуть скоро рѣки Зеравшана, а слѣдовательно населенной мѣстности. Впрочемъ, иначе поступить было нельзя и поневолѣ нужно было чѣмъ-нибудь рисковать.

Выступивъ изъ Каракъ-ата, мы двинулись сначала прямо на югъ, по большой дорогѣ на Бухару, и остановились на ночлегъ въ кишлакъ Агатма. Здѣсь тоже станція караваннаго пути; можно переночевать въ саклѣ и купить предметы первой необходимости. Агатма представляетъ уже населенный пунктъ, а не одинокое, заброшенное въ степи кладбище, какъ Каракъ-ата.

Отъ Агатмы нужно было свернуть влѣво, почему мы, распросивъ хорошенько направленіе, двинулись дѣлиною на В. Ю. В. Послѣ труднаго перехода около 40 верстъ, когда мы предполагали уже остановиться на ночлегъ въ степи безъ топлива и воды, такъ какъ снѣга не было, неожиданно увидѣли передъ собою пять мазаровъ, съ куполами хорошей, прочной постройки, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Кладбища тутъ никакого не было. Надо предполагать, что эти мазары не могилы, а выстроены какъ ночлежный пунктъ для путешественниковъ, тѣмъ болѣе, что около нихъ оказались колодцы съ хорошей водою. Вѣроятно мы вышли на дорогу изъ Бухары въ Нурату, — городокъ, лежащій въ сѣверо-восточномъ углу Бухарскаго ханства, у подножія пограничныхъ горъ Кара-тау. Топлива, однако-же, мы здѣсь не нашли. Намъ пришлось только пересѣчь дорогу въ Нурату, сохраняя прежнее направленіе.

На слѣдующій вечеръ, послѣ столь-же утомительнаго перехода, какъ наканунѣ, дошли мы до высохшей рѣчки, за которою виднѣлся кишлакъ. Рѣчка эта беретъ начало въ горахъ, течетъ съ сѣвера на

югъ и впадаетъ въ Зеравшанъ съ правой стороны. Вода здѣсь бываетъ не всегда, а только въ извѣстные періоды, и затѣмъ въ остальное время года она представляетъ болото, черезъ которое мы съ трудомъ перебрались. Какъ рѣчка, такъ и кишлакъ Тугасъ-Тюбе, въ который мы пріѣхали, вовсе не нанесены на карту, хотя поселеніе это довольно большое. Жители, повидимому, рѣдко видѣли иностранцевъ, а можетъ быть и вовсе не видѣли, потому что разсматривали насъ съ большимъ любопытствомъ. Аксакалъ, тоже вѣроятно мало знакомый съ цивилизаціей въ смыслѣ любезности, былъ хорошо просвѣщенъ въ другомъ отношеніи: онъ старался содрать съ насъ за все какъ можно дороже, и нахальное вымогательство его даже разсердило насъ. Этотъ ночлегъ былъ крайне непріятный. Положимъ, въ другихъ мѣстахъ тоже немилосердно драли за все, но все-таки, даже въ степи Усть-Урта, до извѣстной степени любезно, а тутъ и того не было.

Съ радостью выступили мы на слѣдующее утро далѣе, направляясь къ югу по теченію рѣчки, и, подойдя къ Зеравшану, вступили наконецъ въ районъ кишлаковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ почти непрерывною цѣлью по правому берегу рѣки. На ночлегъ остановились въ кишлакѣ Калаканъ-ата, гдѣ жители оказались гораздо цивилизованнѣе и любезнѣе, чѣмъ въ Тугасъ-Тюбе. Это былъ послѣдній ночлегъ. До переправы вбродъ черезъ Зеравшанъ у Пейшамбе оставалось, по показаніямъ жителей, всего три таша или 24 версты. За переправой тотчасъ начинаются сады Катта-Кургана, а за ними и самый городъ.

Нетерпѣніе наше было такъ велико, что мы не имѣли силъ тащиться на слѣдующій день съ верблюдами по три версты въ часъ и рѣшили, оставивъ пожитки подъ наблюденіемъ денщиковъ, ѣхать вдвоемъ впередъ. С. Д. Гескетъ нанялъ лошадей въ кишлакѣ. Ошибиться въ дорогѣ было невозможно: она все время проходила кишлаками, по берегу Зеравшана, и никакихъ поворотовъ не было. Въ этомъ мѣстѣ небольшой кряжъ хребта Акъ-тау подходитъ близко къ рѣкѣ.

Мы уже долго ѣхали, а никакой переправы въ виду не было. По расчету времени казалось, что проѣхали гораздо больше 24-хъ верстъ, и наконецъ начали обращаться съ распросами къ встрѣчавшимся туземцамъ. Распросы производились съ большимъ трудомъ, потому что мы очень плохо понимали, а тѣмъ болѣе говорили, по сартовски. С. Д. Гескетъ, сдѣлавшій гораздо больше меня успѣховъ въ сартовскомъ языкѣ, служилъ толмачемъ, но не могъ многого добиться. Однако же намъ все-таки указывали впередъ—значить мы ѣхали вѣрно. Въ одномъ мѣстѣ, переѣзжая небольшую, упирающуюся въ рѣку возвышенность, увидѣли столбъ съ надписью: «Граница Россійской имперіи».

Итакъ, мы опять въ Россійской имперіи, а Пейшамбе, показываемаго на картѣ на самой границѣ, все нѣтъ. Оказалось, что отъ Калаканъ-ата до Пейшамбе не три таша, а болѣе шести. Вотъ что значить полагаться на показанія туземцевъ относительно разстояній!

Подъѣзжая къ рѣкѣ у переправы, мы увидѣли высокую стѣну, вѣроятно остатки бухарскаго укрѣпленія. Здѣсь Зеравшанъ раздѣляется на три рукава и на одномъ изъ островковъ (правомъ) находится городъ или, вѣрнѣе, большой кишлакъ Пейшамбе.

Когда мы подъѣхали къ рѣкѣ, встрѣтилось новое затрудненіе: проводника нѣтъ, а переправляться черезъ быструю рѣку, не зная брода, не совсѣмъ то удобно. Намъ по опыту было извѣстно, какъ затруднительна переправа черезъ Зеравшанъ у Самарканда, особенно во время половодья. Но дѣлать было нечего — пустились наудачу и счастливо перешли рѣку.

Пейшамбе совершенно подобенъ другимъ сартовскимъ городамъ: тѣ же глиняныя стѣны, тѣ же сакли, тотъ же базаръ съ лавченками. Одно, что меня здѣсь поразило, это невозможная, невылазная грязь. Лошади уходили въ нее выше, чѣмъ по колѣни, и едва передвигали ноги. Пѣшему невозможно даже перейти черезъ улицу: онъ долженъ пробираться кое-какъ по стѣнкамъ, а если хочетъ попасть на середину улицы, то долженъ садиться верхомъ.

Легко переѣхавъ остальные два рукава рѣки, болѣе узкіе и мелкіе, чѣмъ первый, мы вѣхали въ сады Катта-Кургана и, весело припустивъ усталыхъ коней рысью, торжественно вступили наконецъ въ городъ. Верблюды наши пришли въ тотъ же день поздно ночью.

Офицеры 8-го линейнаго баталіона встрѣтили насъ очень любезно, но, не смотря на ихъ приглашенія погостить и отдохнуть, мы пробывши съ ними только одинъ день и двинулись на перекладной дальше.

Въ началѣ странно казалось намъ ѣхать такъ быстро. Бывало, сидишь на конѣ цѣлый день, съ восхода до заката солнечнаго, и проѣдешь 20, много 30 верстъ въ сутки, а тутъ сидишь очень удобно въ повозкѣ и проѣзжаешь вдругъ въ то же время цѣлыхъ 200 верстъ!

Утромъ 3-го марта 1882 года вѣхали мы въ Ташкентъ и могли рѣшительно, окончательно сказать: мы дома. Поѣздка продолжалась пять мѣсяцевъ и 17 дней, въ теченіе которыхъ мы сдѣлали 3,500 верстъ по самымъ пустыннымъ, малоизвѣстнымъ степямъ средне-азіатской Россіи.

Владиміръ Александровъ.